

АЛЕКСАНДР УСОВСКИЙ

ЧЕСТНАЯ ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

ИОСИФ ПЕРВЫЙ,
ИМПЕРАТОР ВСЕСОЮЗНЫЙ

Александр Усовский
Иосиф Первый,
император всесоюзный
Серия «Честная история
Второй мировой», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54028473

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-042-51801-0

Аннотация

Сегодня Россия переживает сложный период своей истории – избавляясь от скверны либерализма, которого сполна и с верхом глотнула в девяностые годы прошлого века, она ищет свой путь в будущее, по-новому определяет свои национальные интересы – перестав, наконец, быть послушным учеником заокеанских и европейских «учителей демократии». Нам ещё очень много предстоит сделать, чтобы окончательно выдать из себя раба «европейской цивилизации», чтобы снова стать русскими – но опыт сорока поколений наших предков убеждает нас в том, что, как бы ни было нам тяжело, какие бы беды и горести не обрушивались на наш народ – Россия продолжает жить; ибо каждый из нас смертен, но Россия – вечна!

Содержание

Несколько слов от автора	4
Пролог первый	10
Пролог второй	17
Глава первая	69
Глава вторая	146
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Александр Усовский Иосиф Первый, император всесоюзный

*Усовскому Николаю Тимофеевичу,
Усовской Вере Андреевне,
Головейко Герасиму Фёдоровичу,
Головейко Ольге Иосифовне –
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Несколько слов от автора

De mortuis aut bene, aut nihil

Мои уважаемые читатели!

Может быть, кто-то из вас, открыв эту книгу, подумает, что она – не более, чем модная нынче (в определенных кругах) апология Иосифа Сталина, так сказать, посмертный елей, обильно политый автором на могилу Вождя народов, книга, написанная, если можно так выразиться, в пик тому гигантскому валу антисталинской «литературы», что в свое время завалил все книжные прилавки нашей Родины, и, в отличие от упомянутой макулатуры, старательно обеляющая Генералиссимуса, делающего его невинным, аки

херувим, с крыльшками, как у ангела.

Так вот – это не так.

*Книга, которую вы держите в руках – не прославление Великого Вождя и Учителя, не пустое славословие в его честь, не воспевание гения всех времен и народов. Такого рода книг – от тоненьких брошюр, отпечатанных на скверной бумаге, до солидных манускриптов в формате *tomino in folio*, изданных чуть ли не на веленовой бумаге с золотым обрезаем – и так изрядно нынче на книжных развалах. Публикацией книг подобного рода грешит лево-коммунистическая «оппозиция», всё ещё больная марксизмом – не понимая (вернее, не желая понимать) того простого факта, что товарищ Сталин, если и был во времена оны их единомышленником – то только в силу обстоятельств, очень недолго и весьма условно. Товарищ Сталин, как только к тому сложились обстоятельства – незамедлительно своих тогдашних «единомышленников»-марксистов от руля государства отрешил, справедливо полагая, что адептам этой идеологии вместо сидения в душных кабинетах гораздо лучше будет надыхаться свежим ветром на колымских просторах.*

Но в то же время книга эта – и не сборник яростных проклятий в адрес почившего полвека назад Отца народов – упаси Господь! «О мертвых или хорошо, или ничего» – склонные к лапидарному стилю римляне навеки завещали нам уважение к усопшим, вне зависимости от того, был ли покойный гением всех времен и народов – либо, наоборот, закон-

ченным негодяем и растленным типом без флага и родины. Я полагаю, что все мерзости, кои почитают своим долгом вылить на голову покойного Генералиссимуса разные бунчи, сванидзе, радзинские, войновичи и прочие млечины – пусть останутся на совести оных авторов. Понять этих писарей-многостаночников можно – Великий Вождь изрядно спутал карты своре безродных космополитов (идейных предков нынешних либеральных «мыслителей»), вдруг в одночасье оказавшихся владельцами России. Они думали править этой страной вечно – товарищ же Сталин сумел большинство из них в расцвете сил загнать в расстрельные подвалы. Как тут не впасть в неистовую ярость, как тут искренне не проклясть «бесчеловечного грузина»!

Впрочем, и претендовать на то, что эта книга является «объективным анализом» создания и мужания сталинского СССР – я не могу, ибо человек в принципе не может быть объективным. И вообще – избави нас Боже от «объективности» в том смысле, в каком ее привыкли понимать мастера эзопового языка, набившие руку на разного рода «с одной стороны» да «с другой стороны»! Буржуазный объективизм оставим Дмитрию Волкогонову, Рою Медведеву и иже с ними – ибо наша книга ПОЛИТИЧЕСКАЯ, и посему априори субъективная; автор заведомо ПРИСТРАСТЕН, и не считает необходимым сей факт скрывать! Впрочем, подавляющее большинство книг об истории недавнего времени также являются политическими и пристрастными – но

авторы всеми силами этот момент стараются завуалировать многословными рассуждениями о «долге историка», «исторической правде», «объективном анализе» и прочими умными фразами, изображая из себя несторов, «добру и злу внимавшим равнодушно».

Автор же нижеизложенной книги не считает необходимым врать в лицо своему читателю – просто потому, что относится к нему с должным уважением. Эту книгу не возьмут в руки случайные люди – ее откроют лишь те, кому навязла в зубах ложь официальной пропаганды и кому отвратительны бесчисленные публикации о «сталинских репрессиях» – то есть люди, которым интересна альтернативная точка зрения на события 1923-1953 годов, представленная в этой книге.

Автор не считает в принципе возможным оспаривать общепринятое мнение о том, что политический режим Советского Союза в сталинские годы был абсолютно авторитарным; это была диктатура в самом чистом, незамутненном виде – и автор согласен с этим определением на все сто процентов.

Посему – давайте четко определимся: Сталин был тиран, СССР был тоталитарным государством – и это объективная реальность; пытаться оспорить сей факт – то же самое, что плевать против ветра. Смешно и глупо.

Но у тиранов – как живших во времена седой древности, так и у сегодняшних (благо, есть еще такие на белом све-

те) – есть одна очень важная особенность. Дабы утвердить и упрочить свою власть – они вынуждены ежедневно и ежечасно брать на себя ответственность за судьбу вверенной им Провидением страны, не отделять свою судьбу от судьбы своего народа и если уж принимать решения – то целиком и полностью за них отвечать – таков их удел.

Мы на подсознательном уровне не отделяем СССР 1923-1953 годов от имени Сталина – так же, как само слово «Сталин» служит нам синонимом государственной власти в Советском Союзе в те годы. СССР был для Сталина ВСЕМ – личной жизнью, судьбой, верой, надеждой; естественным для него было в тяжкую годину немецкого нашествия – отправить на фронт обоих своих сыновей. И потерять старшего...

«Иосиф Первый, император всесоюзный» – книга о том, как под влиянием реальных событий и насущных проблем, перед лицом смертельных угроз, постепенно отбрасывая безжизненную схематику коммунистических догм и выбрасывая на свалку истории их иноплеменных толкователей, революционер-марксист (а в пору трепетной юности, по совместительству – налетчик и бандит) Сосо Джугашвили постепенно стал Иосифом Виссарионовичем Сталиным, вождем нации и государства. Книга о том, как Советский Союз из базы для мировой революции, из запала для будущего всемирного пожара стал национальным государством русских народов – со своими национальными интересами, сфе-

рами влияния, национальной идеей, со своими целями и задачами, абсолютно отличными от целей и задач мирового коммунизма.

И, наконец, эта книга о том, почему это государство, по крупицам созданное генералиссимусом Сталиным, пало жертвой незадачливых «наследников» Великого Вождя, бездарно промотавших достояние Иосифа Первого, императора всесоюзного...

Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.

Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас.

Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после.
Книга Екклезиаста, гл. 1, ст. 9, 10, 11

Пролог первый

15 декабря 1793 года,

окрестности Тулона, Франция.

Штаб осадной армии

Полевых пушек у них практически нет – не считать же, действительно, серьезной артиллерией те жалкие полторы дюжины двухфунтовок и кулеврин, что им удалось переправить с транспортов, стоящих на рейде, на берег в плашкоутах, захваченных у пирса и игравших до этого роль брандвахты. Отлично. Пушки же береговой обороны, **НАСТОЯЩИЕ** пушки, роялисты, их «союзники», как ни старались, не смогли развернуть в сторону берега – так и стоят, уставившись своими жерлами в море, пугают неизвестно кого. Правильно. Потому что, когда королевские инженеры строили береговые батареи крепости, никому из них и в голову не могло придти, что придется стрелять назад, в сторону Франции – посему тяжелые крепостные орудия сегодня стоят на фортах и бастионах Тулона бесполезными горами бронзы.

Следовательно, все надежды англичан и роялистов – на корабельные орудия эскадры адмирала Худа. Разумно. ЕГО полевые орудия (даже восьми- и двенадцатифунтовые пушки, тем более – шестидюймовые гаубицы) безусловно уступа-

ют корабельным тридцатидвухфунтовым пушкам англичан (не говоря уж об установленных на полубаках линейных кораблей шестидесятивосьмифунтовых карронадах!) – и в весе залпа, и в дальности огня; восьмидюймовые же гаубицы двух его тяжелых батарей, хотя и могут сравниться с английскими пушками весом гранат – имеют, увы, до обидного малую дистанцию боя. К тому же они слишком тяжелые, и посему использовать их в предстоящем штурме вряд ли удастся. Да и по количеству стволов у англичан – безусловное преимущество: с каждого борта любой английский линкор может дать залп в сорок с лишним орудий, на максимальную дальность пять тысяч ярдов, при скорострельности тридцать залпов в час. Но те линейные корабли, что ошвартовались в гавани – кажется, «Виктори» и «Агамемнон» – могут поддержать огнем лишь два участка обороны крепости из восьми – остальные сектора им закрывают пакгаузы, Цитадель и дома на набережной.

Ergo? Необходим удар по ключевому пункту. Ключевой пункт – форт Эгийет на Керском мысе, при выходе из Малого рейда в Большой; позиция, овладев которой, можно будет обстреливать полевыми орудиями все укрепления англичан и роялистов, без исключения. Да, этот форт расположен на отшибе, зато с его верхов можно великолепно обстреливать всю гавань – тем самым, уравнив шансы полевой и корабельной артиллерии. Штурмуя же в лоб форты передовой линии, мы лишь увеличим потери и добьемся того, что англичане

и роялисты получают дополнительное время для укрепления позиций. Да, ключевой пункт – это форт Эгийет; но никто в штабе осадной армии этого еще не знает, это знает пока только он. Впрочем, так же думает генерал Дюгомье, единственный военный профессионал среди этой орды «тоже военных» – но он первым штурм этого форта не предложит. Просто потому, что уже стар, повидал всего на своем веку, и знает – при неудаче ему не сносить головы, а при успехе все лавры легко отнимут все эти «отчаянно храбрые» р-р-революционеры из Парижа, понаехавшие «советовать и помогать». Да и не верит старик в боевую устойчивость всех этих наспех набранных волонтерских батальонов, как не верит в профессионализм расчетов артиллерийских осадных батарей, на вербованных из донельзя подозрительных «артиллеристов», в которых легко узнать постоянных обитателей ка-торжных барачков.

Он же УВЕРЕН в своих солдатах и в своих пушках; более того, он знает – на сегодняшний момент эти солдаты и эти пушки способны сотворить чудо – при условии, что ЕМУ никто не будет мешать. Он знает, куда надо нанести удар – ибо при захвате форта Эгийет оборонительные линии англичан окажутся неизбежно разделенными в ключевом пункте. Можно будет, затащив туда пушки, в упор расстреливать корабли противника на рейде, мало того – держать под обстрелом его линии снабжения. И он сможет сделать это – но при условии, что его план будет принят.

Но как это осуществить? Он – всего лишь капитан, помощник начальника артиллерии осадной армии. Тут же, в штабе – целая свора прибывших из Парижа политических «вождей» и военных начальников. Но что может знать о взятии крепости комиссар Саличетти? Или комиссар Баррас? Или «генерал» Карто, еще недавно – художник, знаток женских головок и ценитель изящных ножек? Или «генерал» Донне, бывший полгода назад врачом в Лилле, благодаря своему «санкюлотству» избежавший нескольких судов из-за странной смерти своих пациентов? Бездари и невежды! Зато апломба, самомнения – на дивизию гусар. И всяк из них рядится в военный мундир, каждый – стратег! Как ему отвратительны эти ничтожества, возомнившие себя вершителями судеб Франции! Как мерзки их разглагольствования о всеобщем счастье, которое принесут угнетенным европейским народам штыки французской революции! Боже, и эти никчемные людишки, пафосно рассуждающие о судьбах мира – нынешние правители Франции! И никуда не деться; они здесь, у стен Тулона – специально присланные из Парижа эмиссары Конвента, облеченные полномочиями «вожди»; они имеют полное право указывать ему, военному профессионалу, что ему делать со своими солдатами и пушками, как взять Тулон. Хотя ни один из них ни черта не смыслит ни в артиллерии, ни во взятии крепостей!

Поддержит его только генерал Дюгомье. Этот – настоящий вояка, изрядно понюхавший пороху, воевал за океаном,

у Вашингтона. Он знает, что лозунгами Тулон не взять. И еще он знает – всей этой шайке политических прохвостов нужно лишь одно: ворваться в город и начать расстрелы и рубку голов. Они жаждут крови роялистов – хотя сколько в крепости тех роялистов! – чтобы оправдаться перед Парижем, оправдаться в своем бездействии. Оправдаться в потере двадцати кораблей французской эскадры, ныне захваченных Худом. Оправдаться в провале осады – одним словом, гильотина должна будет выполнить роль их «адвоката» перед парижскими адвокатами, засевающими в Конвенте.

Что ж, на этом, пожалуй, можно будет сыграть. Он всего лишь капитан, командир батальона – но он ЗНАЕТ, что надо делать. А остальные здесь присутствующие – только делают вид, что знают, а на самом деле – скопом пытаются найти крайнего, кто за весь этот бардак бы ответил.

Стать крайним? Это можно – но только в том случае, если победа – буде она состоится – останется ЗА НИМ. Вот для этого и нужен генерал Дюгомье, старый служака, с навечно атрофированным честолюбием.

Смуглый маленький капитан неожиданно попросил слова. До того вразнобой галдевшие генералы изумленно посмотрели в его сторону. Он готов спланировать взятие Тулона? И возглавить его штурм? Он гарантирует успех?

Гарантировать успех невозможно – но он предлагает, во-первых, свести все риски к минимуму, и, во-вторых, нанести удар сосредоточенной массой артиллерии и пехоты в са-

мом уязвимом месте крепости. Ударить по ключевому пункту обороны англичан, форту Мюльграв, мощным артиллерийским огнем разрушить его стены, ворваться в него, и на плечах отступающего врага затем захватить форт Эгийет. Заняв последний и доставив в него свою артиллерию – хотя бы даже полевые четырехфунтовки! – можно будет артиллерийским огнем обстреливать всю территорию военного порта и причальные стенки на всем их протяжении, картечью выметая с набережной всё живое.

Смуглый маленький капитан азартно водил случайно забытым кем-то стеклом по карте – быстро объясняя диспозицию слегка опешившим генералам. «Английские линейные корабли в гавани никак не смогут противодействовать атаке – им будет мешать Цитадель – а когда мы займем позиции и доставим на них пушки – вся английская линия обороны тут же рухнет. Англичанам придется или уходить, или развернуть корабли в гавани, выйти на внешний рейд и попытаться обстрелять форт Эгийет с предельной дистанции. Все шансы будут на нашей стороне – у нас господствующая высота, у нас возможность перенесения огня на любой пункт противника. У них – только небольшая вероятность попасть с дистанции в двадцать кабельтов по нашим позициям из орудий линейных кораблей.

Но для этого нужно сосредоточить большую часть наличной артиллерии против форта Мюльграв. И чем быстрее – тем лучше!»

Так, генерал Дюгомье бесспорно на его стороне. Остальные колеблются. Проклятые невежды! С каким удовольствием он приказал бы своим солдатам вздернуть эту банду политиканов в генеральских мундирах на стенах форта! Увы, приходится мириться с тем, что не он у руля армии и государства. ПОКА не он...

План капитана Буонапарте, после долгого обсуждения, был принят, к исходу дня 16 декабря большинство наличных осадных батарей было сконцентрировано там, где им предписал находиться этот маленький, невзрачный с виду, смуглолицый артиллерийский офицер.

На рассвете 17 декабря 1793 года французская революционная армия, осаждавшая взятый англичанами Тулон, предприняла штурм города и крепости. Массированным огнем артиллерии противник был выбит из форта Мюльграв, а затем его части, не успевшие опомниться, были отброшены от стен форта Эгийет. Заняв последний, санкюлоты лишили войска, обороняющие крепость, любой возможности к сопротивлению – и наутро 18 декабря англичане, посадив на корабли эскадры Худа верных им роялистов и остатки своей морской пехоты, покинули Тулон.

За умелое руководство штурмом капитан артиллерии Буонапарте через месяц был произведен в бригадные генералы. Звезда будущего императора французов Наполеона I зазвездалась над взятыми штурмом фортами Тулона...

Пролог второй

От Октябрьского переворота к созданию СССР: технологии захвата и удержания власти

Великая Октябрьская социалистическая революция, о которой так долго говорили большевики, с 1917 по 1927 годы называлась ими просто, без изысков – «Октябрьский переворот». Это потом уже для придания большего веса, солидности, самоуважения и легитимности (как большевики все это понимали) правящему режиму, онный переворот получил в официальной советской истории свое донельзя пышное (и весьма условно соответствующее реальности) наименование. Очевидно, сделано это было в пику французам – мол, если французская революция «Великая», то почему бы и наш переворот не назвать так же громко (или даже еще звонче)? Сказано – сделано. С 1927 года та заварушка в Петрограде, в результате которой политически импотентное Временное правительство было низложено, а к власти пришли «строители нового мира», и получила свое трудновыговариваемое название, а правящая в СССР партия – положенный по статусу набор легенд и мифов об этом событии.

Впрочем, на самом деле, не имеет особого значения, как

называть события тех дней, революцией или переворотом – смысл от этого не меняется. Просто название «Октябрьский переворот» автору кажется более адекватным – во-первых, это и был именно военный переворот, осуществленный военной силой против законного правительства, а, во-вторых, подобное наименование более краткое и удобное в написании. Поэтому пусть будет – «Октябрьский переворот».

Значение имеет другое – то, что взявшие власть в России большевики отнюдь не были самой влиятельной партией в стране (скажем, те же социалисты-революционеры были куда как более популярным политическим течением). РСДРП(б) на выборах в Учредительное собрание получила всего 175 мандатов из 715 (эсеры, правые и левые – 410), а посему большевикам уже на следующий день после свержения Временного правительства срочно потребовалось выработать определенный *modus operandi* – дабы не оказаться «калифом на час», а стать властителями страны всерьез и надолго. А для этого им следовало самым срочным образом выработать свою собственную, оригинальную технологию удержания захваченной власти – без которой большевистская октябрьская авантюра с неизбежностью превращалась бы в один большой пшик.

* * *

«Мир – народам», «земля – крестьянам», «заводы – ра-

бочим», «нациям – право на самоопределение» и «власть – Советам» были вначале всего лишь лозунгами (причём зачастую перекликающимися с лозунгами социалистов-революционеров), нещадно эксплуатируя которые, большевики смогли привлечь на свою сторону значительную часть политически активного населения – и обеспечить благожелательный нейтралитет населения, политически пассивного. Но на следующее же утро после достопамятного выстрела «Авторы» эти лозунги потребовалось превратить в реальную политику – что оказалось довольно трудно (а кое-что и невозможно, но об этом позже).

Причем технология удержания власти должна была быть выработана, как минимум, в двух вариантах – ибо царская Россия, управлять которой взялись большевики, была страной, во-первых, крестьянской, а во-вторых, многонациональной; методы управления, годные для губерний Центральной России, никак не годились для Северного Кавказа!

* * *

Для губерний с русским населением большевики выработали весьма прагматичную (а с точки зрения ревнителей «нерушимости частной собственности» – откровенно циничную, но зато максимально эффективную) линию поведения: поскольку большинство населения этих губерний составляло малоземельное крестьянство, этому крестьянству

в собственность были переданы помещичьи, монастырские и частью даже государственные земли – то есть был осуществлен элементарный подкуп крестьянской массы (составляющей 85 % от всего населения Центральной России), каковым не слишком благовидным, но весьма эффективным способом была (на первых порах) обеспечена гарантированная поддержка крестьянами курса новой власти – ибо новая власть честно выполнила свои обещания, с которыми рвалась «наверх».

По сути, большевики сделали подавляющее число крестьян (то есть тех, кто на основании решений большевистского правительства получил в собственность чужую землю) своими «подельниками»; отныне успехи большевиков были успехами крестьянской России, а их поражения – поражениями «народа-богоносца», и до самого конца Гражданской войны этот общественный договор действовал относительно устойчиво.

С рабочими же дело пошло не столь успешно; экспроприация собственности на средства производства и последующая их национализация не дала рабочим практически ничего – кроме осознания себя «гегемоном революции». Рабочим малоквалифицированным и низкооплачиваемым этого было достаточно, а вот «рабочая аристократия» (те же работники оружейных заводов) особого удовлетворения от Октябрьского переворота не получила – ИХ Революцией был Февраль; посему ничего удивительного в том, что с большевика-

ми на стороне «белых» сражались РАБОЧИЕ (наибольшую известность в этом плане заслужили ижевские и воткинские оружейники, восстание которых осенью 1918 года нанесло большевикам тяжёлый удар и отвлекло у них значительные силы с других фронтов) не было – идеология белого движения, как политического продолжения Февральской революции, была им ближе, чем идеи большевиков.

Но в целом надо сказать, что большевикам удалось привлечь на свою сторону крестьянство, то есть большую часть трудоспособного (и военнообязанного) населения России (рабочие тогда составляли едва ли десять процентов жителей страны) – пусть и за счёт грубого слома «священного права собственности». Владение землёй (вернее, *достаточным* для безбедного существования пахотным клином) было извечной мечтой русского крестьянства – и большевики эту мечту исполнили!

* * *

Правда, надо сказать, что этот ход руководства РСДРП(б) – лишение прежних владельцев прав собственности на пахотные земли и национализация средств производства (заводов и фабрик) – сделал яростными и безоговорочными врагами Советской власти доселе имущие классы: дворянство и буржуазию. И по-человечески ненависть «бывших» к новой власти понятна и объяснима: люди были элементар-

но ограблены до нитки, превращены в граждан второго сорта (а потом и вообще – в заложников), низведены до роли дичи на большой охоте («красном терроре»), сценарий которой был написан РСДРП(б) именно с целью окончательно за столбить свое экономическое и политическое господство в стране.

Зато большевики этим несложным, но весьма решительным шагом (отъемом собственности) за чужой счет, то есть, не вкладывая ровным счетом ни одной копейки, смогли обеспечить себе безусловную политическую поддержку 70-80 %% населения страны (на первых порах). И именно с точки зрения технологии удержания власти этот злодейский отъем был крайне эффективным инструментом внутренней политики. Тем более – ни дворянство, ни (в меньшей, правда, степени) буржуазия – не были серьезными противниками новой власти.

* * *

Русское дворянство как сословие, де-юре обладавшее политической властью, в России к 1917 году деградировало как политический класс, перестав соответствовать тем требованиям, которые История обычно предъявляет правящим элитам. Все эти Голицыны и Оболенские, о которых с придыханием пели в девяностые годы по всем ресторанам СНГ, к моменту крушения Империи были ничтожной политиче-

ской силой, ибо не имели ни воли, ни решимости к удержанию своей власти, ни вразумительной программы действий, ни вождей, обладающих необходимой харизмой. Вырождение русского дворянства привело к закономерному итогу – кладбищу Сен-Женевьев-де Буа; большая часть тамошних могил стала последним приютом мужчинам, в 1917-1920 годах бывшим в призывном возрасте и способным носить оружие. О чем это говорит? О том, что подавляющее большинство дворянства сочло возможным трусливо бежать со своей Родины вместо того, чтобы умереть в битве со своими врагами. Вожди «белого движения» были, главным образом, выходцами из простонародья – и генерал Корнилов, и генерал Кутепов, и генерал Деникин, и генерал Юденич, и генерал Краснов имели крестьянских или казачьих предков! «Белая кость» среди известных деятелей Гражданской войны с «той» стороны не представлена фактически никак – князя Голицыны, Юсуповы, Трубецкие, Волконские, графы Шереметевы, Шуваловы, Строгановы, о которых ныне с придыханием шепчет «графиня» Фекла Толстая – оказались неспособны возглавить сопротивление большевистскому перевороту (в отличие от своих «коллег» во Франции 1789-1793 годов) и попросту сбежали из страны, как прогоревшая труппа третьесортного шапито.

Против большевиков сражались не дворяне – с ними на смерть бился русский «средний класс», разночинцы, вкусившие либерального воспитания и в феврале 1917-го ставшие,

наконец, политическим классом. Именно русский либерализм (пусть и едва обозначившийся) и стал настоящим Врагом большевизма – и именно с ним большевики сражались наиболее яростно и бескомпромиссно. Этому либеральному политическому классу **БЫЛО ЧТО ТЕРЯТЬ** – большевики пошли на национализацию сначала крупной, а затем, во время «военного коммунизма», и вообще **ВСЕЙ** промышленности – и посему он воевал с большевиками **ДО КОНЦА**.

* * *

Дворянство было становым хребтом русской державы триста лет, от времен Ивана III до куцых дней правления «гатчинского капрала» Петра III. 18 февраля 1762 этим императором был подписан Манифест о вольности дворянства. По нему все дворяне освобождались от обязательной гражданской и военной службы; состоявшие на государственной службе могли выходить в отставку. Они могли беспрепятственно выезжать за границу, а при желании – служить иностранным государям; Российская империя, напомним, была не национальным, а сословным государством, в котором имело значение принадлежность к определенному сословию (ну, еще к конфессии), но отнюдь не к национальности. Это потом подобная служба будет приравняться (и очень правильно!) к измене Родине – во времена же «просвещенного абсолютизма» ни у кого не вызывал удивления пятый пункт

упомянутого манифеста: *«Продолжающие службу, кроме нашей, у прочих европейских государей российские дворяне могут, возвратясь в отечество свое, по желаниям и способности вступить на вакансии в нашу службу; находящиеся в службах коронованных глав теми же чинами, на которые патенты объявят, а служащие у прочих владельцев с понижением чинов, как о том прежнее узаконение установлено, и по которому ныне исполняется»..*

Так вот – Манифест Петра III стал документом, предопределившим крах дворянства как главной политической силы в России через сто с небольшим лет после своего опубликования. Потому что военная служба (да и вообще всякая «государева» служба) по этому манифесту *перестала быть обязательной* для дворян – и с этого момента началась неудержимая деградация дворянства, превращение его представителей в жирующих в своих усадьбах сибаритов, в «лишних людей». Был сломан ключевой пункт «общественного договора» – дворянство имело право на политическую власть в стране, лишь будучи *военной кастой*. Крестьянин понимал, что его помещик имеет право владеть землей (и в определенной степени быть владельцем его «души») именно потому, что и сам помещик обязан за это по первому требованию государя отдать жизнь за Отечество на поле брани. Как только этот механизм был русскими царями сломан – вопрос об отрешении дворянства от политической власти в стране стал лишь вопросом времени.

Поэтому большевики немедленно после Октябрьского переворота посчитали возможным (и необходимым) лишить дворянство экономического базиса его политической власти – владения землей. Пусть и получая из-за этого безусловного врага (но слабого и недееспособного, с которым позже можно будет справиться «одной левой») – зато приобретая полную и безоговорочную поддержку крестьянства (а крестьяне – это более трёх четвертей населения России). Обмен был для большевиков крайне выгодным – и они пошли на него, благо в их среде крупных землевладельцев не было.

* * *

Относительно национализации крупной (а потом, с введением политики «военного коммунизма» – и вообще всякой) промышленности вопрос был сложнее. С социальной точки зрения (если избавиться от разного рода пропагандистских штампов) она ничего положительного не давала – на многих частных заводах экономическое положение рабочих было весьма приличным, – даже наоборот: среди промышленного пролетариата РСДРП(б) имела весьма высокий процент сторонников, национализация могла ухудшить (и фактически ухудшила) экономическое положение рабочих, а следовательно – понизить степень доверия рабочих к «своей» партии.

Но зато данная национализация давала в руки большеви-

ков все реальные рычаги управления народным хозяйством. Делать они это, правда, будут скверно и на первых порах делают кучу чудовищных ошибок, но ключевое условие упрочения своей власти – владение промышленностью – большевиками будет выполнено.

Замечу, кстати, что именно буржуазные партии станут на первом этапе Гражданской войны основными политическими противниками РСДРП(б), главными «фундаторами» вооруженной оппозиции большевистскому режиму. Но, не имея достаточных средств, проиграют большевикам с треском – уступив свое место государствам Антанты.

* * *

В общем и целом надо сказать, что большевики довольно быстро и достаточно надежно утвердили свою власть в центральных великорусских губерниях – путем фактического подкупа крестьянства. Подобная политика позволила РКП(б) на протяжении всей гражданской войны рекрутировать достаточные массы призывного контингента в Красную Армию, снабжать промышленные центры продовольствием (ничего не давая крестьянам взамен – политика «продразверстки») – в отличие от «белых», никаким образом не сумевших привлечь к себе крестьян. Населению русской провинции, на самом деле, был глубоко безразличен факт узурпации власти большевиками – гораздо важнее для них было

то, что в результате такой узурпации они получили землю – и посему у «белых», ратовавших за возвращение «единой и неделимой» и восстановление прежних аграрных порядков, практически не было никаких шансов на поддержку со стороны основной массы населения страны.

Да и крестьянские бунты (самый известный – «антоновский мятеж» в Тамбовской губернии) вспыхнули уже *после того*, как отгремели последние залпы Гражданской войны. Заметьте – пока шла война с «белыми», ратующими за возвращение «старого строя», – крестьяне с величайшей неохотой, но все же выполняли требования коммунистов о тотальной сдаче «излишков» продовольствия. Шла война, и нужно было потерпеть во имя окончательной победы над «эксплуататорами» – чтобы потом, используя дарованную большевиками землю, зажить сыто и благополучно. Большевики же с окончанием гражданской войны так понравившуюся им продразверстку отменять не спешили – и получили жестокие крестьянские восстания. Восстания они подавили – но продразверстку оперативно заменили продналогом, ибо крестьянство по-прежнему оставалось самым многочисленным классом в России и «социальный договор» между большевистским правительством и мелкобуржуазной деревней следовало (до поры) все же выполнять.

«Декрет о мире» был, главным образом, внутренним документом новорожденного Советского государства. Расчет большевиков был донельзя прост – во-первых, Россия выходила из абсолютно бесперспективной для нее войны, во-вторых – большевики получали прекрасный инструмент для проведения своей политики на селе, ибо большинство демобилизующихся на основании этого декрета (как тогда говорили – «самодемобилизующихся») солдат имели крестьянское происхождение, и, возвращаясь домой, они несли с собой пассионарный заряд, заложенный в них четырехлетним сидением в окопах. Да к тому же среди руководства РСДРП(б) было немало деятелей, разделявших концепцию «вооружённого народа» – ибо, исходя из учения К.Маркса о замене регулярной армии всеобщим вооружением народа, оный вооруженный народ будет отлично защищать завоевания революции. Посему для окончательной ликвидации старой армии большевики назначили Верховным Главнокомандующим распадающегося «военного механизма царизма» прапорщика Крыленко. Этот прапорщик не должен был заниматься оперативными вопросами – его поставили на этот пост, чтобы он революционной рукой руководил ликвидацией армии, что им и было успешно выполнено к 16 марта 1918 года (последний приказ Главковерха о ликвидации

Ставки Верховного Главнокомандования). Царскую армию закрыли, как проторговавшийся пивной ларек!

Кроме того, 16 декабря 1917 года Декретом ЦИК и СНК (правительство большевиков) были отменены наряду с условиями и титулами и все воинские звания. Логичный ход – если нет армии, то ни к чему и воинские звания? Расползающаяся армия, правда, таила в себе опасность немецкой оккупации части территории России – но этим можно было тогда пренебречь. Во-первых, Октябрьский переворот был в значительной степени «проектом» немецкого Генштаба, так что свержение их власти немецкими дивизиями большевикам однозначно не грозило; и, во-вторых, под гипотетическую (увы, ставшую в феврале 1918-го фактической) оккупацию попадали окраины бывшей Империи, и без того уже впавшие в сепаратизм.

* * *

Вообще, многонациональность России была для большевиков серьезной проблемой – но зато послужила отличным полигоном для отработки технологий захвата и удержания власти на территориях с нерусским населением.

Царский режим в ответ на локальный национализм, начавший пробуждаться в нерусских частях империи с середины девятнадцатого века, проводил политику русификации – впрочем, довольно бездарно. Зато его политические

противники, начиная с революции 1905 года, начали всерьез и во весь голос требовать национально-территориальной автономии, а в случае с поляками – вообще строить свою деятельность на откровенном сепаратизме. Депутат Государственной Думы, небезызвестный Пуришкевич, говорил: «Везде налицо сепаратистские устремления инородцев, которые только и ждут грядущего пожара, чтобы оторвать от империи ту или иную окраину». Между прочим, сказано в 1912 году!

Временное правительство не стало влезать в дебри национальных проблем – оставив их решение Учредительному собранию. Большевики, разогнав оное, начали решать этот вопрос по-своему – благо, из всех крупных российских партий лишь РСДРП(б) зафиксировала в своей программе право наций на самоопределение вплоть до отделения. На первый взгляд, большевики в этом вопросе оказались святее президента Вильсона («четырнадцать пунктов президента Вильсона» – в числе коих «право наций на самоопределение» – считались основой для послевоенного устройства мира). Остальные же игроки на политическом поле России, не отрицая в принципе права национальных меньшинств на сохранение и развитие национальных культур и языков, начисто отказывали националам в праве на национально-территориальную автономию. Русские же радикальные националистические движения (Союз русского народа, Русский монархический союз, Союз Михаила Архангела) вообще наста-

ивали на том, чтобы гражданские, политические и культурные права нерусских народов были вообще низведены до минимального уровня.

* * *

Вследствие Октябрьского переворота и распада центральной власти (временного, разумеется) в европейской и закавказской частях страны было провозглашено десять независимых государств – да еще в Средней Азии вместе с ранее существовавшими и формально уже автономными Хивой и Бухарой возникли еще две антибольшевистские автономии с центрами в Коканде и в южном Казахстане (Алаш-Орда).

Если подходить сугубо формально, то возникновение этих государств было тем самым «правом наций на самоопределение вплоть до отделения», каковое большевики начертали на своих знаменах. Но эти лозунги были написаны на этих знаменах, как говорится, «до того». Теперь же, в ситуации «после», следовало незамедлительно внести в указанные лозунги определенные коррективы, благо внешнеполитическая ситуация оставалась крайне сложной и под эту «музыку» можно было от каких-то своих обещаний безболезненно и отказаться.

«В обстановке разгорающейся смертельной борьбы между пролетарской Россией и империалистической Антантой для окраин возможны лишь два выхода: либо вместе с Россией, и

тогда – освобождение трудовых масс окраин от империалистического гнета; либо вместе с Антантой, и тогда – неминуемое империалистическое ярмо. Третьего выхода нет. Так называемая независимость так называемых независимых Грузии, Армении, Польши, Финляндии и т. д. есть лишь обманчивая видимость, прикрывающая полную зависимость этих, с позволения сказать, государств от той или иной группы империалистов» – И. Сталин, 1920 год.

То есть большевики, став правящей партией в России, разные новообразованные «независимые» государства решили рассматривать не как состоявшуюся реализацию права наций на самоопределение, а как гнусный сепаратизм местной буржуазии или феодальных элементов (в Средней Азии). Иными словами, в этом вопросе оказались солидарны со своими заклятыми врагами (ведь «белые» бились за Россию «единую и неделимую», о чем с детской непосредственностью и вещали в своих программных документах – что с политической точки зрения было весьма ... гм-м-м... прямолинейно и неблагоприятно).

«Выразителями воли народов» национальных окраин большевики решили считать пролетариат, по странному стечению обстоятельств почти везде оказавшийся русским.

* * *

Пока большевики были слабы – местные национальные

кадры живо понаучреждали множество суверенных государств. Но, поскольку национальный энтузиазм масс как-то не перерос в желание этих масс защищать свою «независимость» до последней капли крови, в 1918 году большевики начали постепенно эту шарманку сворачивать. Тем более, что идея «вооруженного народа» как механизма защиты завоеваний революции как-то тихо отмерла, зато появившаяся необходимость вооруженной борьбы с контрреволюцией и иностранной военной интервенцией вынудили ЦИК и СНК 15 января 1918 года (именно 15 января, а не 23 февраля!) издать декрет о создании «Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Большевики очень быстро осознали необходимость для нормального государства нормальных вооруженных сил – хотя вначале формирующаяся Красная Армия была все же больше внутренними войсками для силового удержания власти РКП(б) внутри страны, то есть *карательным* элементом советской государственной машины, который, как и всякая замкнутая кастовая система, начал немедленно вырабатывать собственную иерархию подчиненности.

Кстати, тут надо отметить, что руководители вновь создаваемой РККА, исходя из политических соображений и не понимая необходимости существования системы воинских званий (все-таки за всеобщее равенство боремся), категорически отказались от всяких званий – каковые, вообще-то, характерны для любых вооруженных сил, от Сан-Марино до Монголии. Большевики решили добиться всеобщего

го равенства даже для такого специфического государственного инструмента, как армия – и установили для рядового и начальствующего состава РККА единственное звание – «красноармеец». Дескать, новое бесклассовое государство напрочь отвергает разделение своих граждан на какие бы то ни было группы – все равны, и баста. Однако в силу реальной необходимости, сначала неофициально, затем все более официально (хотя никакого документа о введении званий или наименований руководящего состава так и не было издано) в служебной переписке, периодической печати появляются наименования «краском» – красный командир, «командарм» – командующий армией, «комбриг» – командир бригады, «начдив» – начальник дивизии и т. п. К середине гражданской войны (январь 1919 года) эти названия воинских руководителей становятся вполне официальными, а с января 1920 года наименования должностных лиц закрепляются Приказом по РККА, причем получают название «категории красноармейцев». Эта система сохраняется до мая 1924 года.

* * *

Впрочем, надо сказать, что от функции внутренних войск (то есть подавления выступлений недовольных на территориях, подконтрольных большевикам) очень скоро (уже к лету 1918 года) Красная Армия начала потихоньку брать на се-

бя функции внешнеполитического инструмента Советской России – правда, делая поправку на то, что объектами внешней политики большевиков стали (для начала) бывшие территории Российской империи, в период краха последней обретшие независимость от центральной власти.

Если учесть, что с сентября по декабрь 1918 года численность Красной Армии выросла с 600.000 до 2.000.000 штыков – инструмент для приведения в чувство националов в руках большевиков появился изрядный.

* * *

Немедленно после революции в Германии (ноябрь 1918 года) территория, попавшая под немецкую оккупацию по условиям Брестского мира, стала как бы ничейной, и большевики быстро понаделали для этих территорий правительств и провозгласили создание советских республик Латвии, Литвы, Эстляндской трудовой коммуны, Украины (со столицей в Харькове) и Белоруссии – хотя большая часть территории этих государств под контролем Советов вовсе и не находилась. Не беда – советские правительства этих республик признаны были большевиками единственными легитимными представителями окраинных народов – разные же буржуазные правительства, столь же быстро наделанные на местах тщанием где Антанты, где Германии – преданы были Москвой остракизму.

Мало того – уже юридически признав независимость Финляндии и Польши, большевики, тем не менее, решили попытаться и в этих странах установить «дружественные» им режимы. В январе 1918 года в Хельсинки произошло восстание рабочего класса, тут же объявившего прежнее национальное правительство низложенным и через несколько часов создавшего социалистическую республику. Эта республика незамедлительно заключила договор о дружбе и братстве с РСФСР.

Увы, бежавшее из столицы финское национальное правительство подписало договор с Германией – в обмен на военную помощь в подавлении «пролетарского восстания» финны были готовы признать своим королем принца Фридриха Карла Гессенского. Весной немецкие войска очистили Финляндию от коммунистов, но принц Фридрих престол занять не успел – в ноябре 1918 года монархия в Германии была свергнута и финнам удалось эти свои обязательства не выполнить. 17 июля 1919 года Финляндия была провозглашена республикой.

Провал большевизации западных окраин (прибалтийских государств и Польши) явился следствием того простого факта, что русских рабочих на этих территориях было до обидного мало – местные же жители достаточно серьезно поддерживали идею независимости от России и создания собственных национальных государств. Так что здесь большевикам не выгорело по вполне объективным причинам – не говоря уже о том, что военная мощь Красной Армии была ничтожной по сравнению с силами Антанты, с начала 1919 года приступившей к «освоению» бесхозных, по мнению западных политических деятелей, земель бывшей Российской Империи.

Вообще, ключевым условием захвата и удержания власти большевиками на нерусских территориях являлось наличие там политически активного и прокоммунистически настроенного русского городского населения – и отсутствие там же сильных националистических движений. Русские рабочие (в числе прочих) были царскими властями эвакуированы из Польши в 1915 году – каковым мероприятием большевики были лишены «опоры в массах», когда через пять лет пришла пора эти территории возвращать прежнему владельцу; кроме того, серьезную политическую силу в Царстве Польском представляла из себя ППС Юзефа Пилсудского.

Как результат – крах всяких попыток большевизации польских территорий, равно как и финских.

* * *

Зато на Юге и на Востоке большевикам «шла масть».

В 1918 году закавказские депутаты Учредительного собрания создали Закавказский сейм с исполнительным органом – Закавказским комиссариатом; так возникла Закавказская Демократическая Федеративная республика, 26-28 мая 1918 года распавшаяся на независимые Грузию, Армению и Азербайджан. Большевики тоже попытались установить на этих территориях свою власть – но, не имея под рукой серьезной военной силы, советская Бакинская Коммуна довольно быстро была местными националистами с помощью англичан задушена в колыбели.

Но у большевиков в Закавказье было несколько точек опоры – кроме бакинских комиссаров.

Во-первых, весной 1918 года начался абхазский мятеж против грузинской власти, дополненный мятежом в Южной Осетии – эти этнически негрузинские территории были под шумок общего краха Российской империи властями в Тифлисе объявлены «исконной территорией проживания грузин», и, следовательно, частью «свободной Грузии». То, что в Абхазии и Южной Осетии была провозглашена Советская власть (что было политическим признаком един-

ства этих территорий с Россией) – шайку батано Жордания отнюдь не волновало. Грузинские меньшевики потопили в крови Советскую власть в Абхазии, просуществовавшую 40 дней, огнем и мечом прошли Южную Осетию и взяли курс на насильственную грузинизацию этих народов. Мало того, в своих захватнических устремлениях меньшевистская Грузия ставила более широкие задачи, чем захват только Абхазии. С самого начала своего существования правительство Н.Жордания стало на крайне агрессивный путь и решило употребить все усилия для овладения Сочинским округом до Туапсе включительно, то есть теми землями, которые не имели никакого отношения к собственно Грузии – ну и что? Бесхозные плодородные территории, принадлежащие теперь неизвестно кому, вызывали просто зуд алчности у тифлисских «наполеонов». Ввиду отсутствия у России (не важно, советской или «белой») серьезной вооруженной силы в этом районе – в район Туапсе были введены (с согласия германского оккупационного командования) грузинские войска. Но абхазы Нестора Лакобы в тылу этой оккупационной армии продолжали оставаться серьезной головной болью для тифлисских вождей – посему ситуация в этом районе была крайне неустойчивой.

Во-вторых, в Карабахе и Зангезуре вспыхнул конфликт между тамошними армянами и центральной азербайджанской властью. В-третьих, в конце 1919 года руководство РКП(б) приняло решение создать в Грузии, Армении и Азербайджане

байджане коммунистические партии – которые станут «пятой колонной» РСФСР в этих государствах; кроме того, продолжало действовать Кавказское бюро РКП(б), де-факто ставшее штабом «советизации» Закавказья. Достаточно сказать, что в Кавбюро трудились такие видные большевики, как С.М. Киров, Р. Орджоникидзе, И. Смилга – вкуче с авторитетными коммунистами Н. Наримановым, А. Мясникяном, Б. Мдивани.

* * *

Когда инструменты влияния созданы и частично введены в дело – «промедление смерти подобно», как говорил Ильич-первый (правда, это он об Октябрьском вооруженном восстании говорил, но и к интервенции в Закавказье эту цитату очень даже можно применить).

2 января 1920 года наркоминдел РСФСР Чичерин в официальной ноте потребовал, чтобы Азербайджан и Грузия вступили в военный союз с Россией с целью подавления контрреволюции на Северном Кавказе. Основания для такой ноты у товарища Чичерина были – у власти в Закавказье стояли социалистические партии, пришедшие к этой власти, если отбросить всякие условности, в результате большевистского переворота. А раз «белые» воюют за «Россию единую и неделимую» – то вышеупомянутые независимые правительства Азербайджана, Грузии и Армении автоматически попа-

дают (в глазах А.И. Деникина, например) в разряд узурпаторов власти, сепаратистов и, впоследствии, по одержании «белыми» победы – заключенных сибирских острогов. Поэтому в их сугубых интересах – выступить единым фронтом с большевиками против контрреволюции; надо сказать, что логика в ноте Советского правительства была железной.

Но закавказские деятели отвергли все претензии товарища Чичерина – как тому этого и хотелось.

И 26 апреля 1920 года части Красной Армии вторглись в Азербайджан. На следующий день в Баку, в результате начавшегося восстания большевиков, власть перешла к Бакинскому Ревкому, который тут же провозгласил создание Азербайджанской ССР и послал главе Советского государства телеграмму с предложением «заключить братский союз для общей борьбы против мирового империализма». Красиво и элегантно, в точном соответствии с «панамским проектом» Соединенных Штатов, осуществленным полутора десятками лет ранее.

Азербайджанская армия насчитывала более сорока тысяч штыков и сабель – но серьезного сопротивления вторгшейся Красной Армии не оказала, предпочев разбежаться по домам. Мусаватисты (власть до большевистского переворота принадлежала партии «Мусават») бежали в Грузию, полагая, что там, у грузинских социал-демократов, им удастся отсидеться в тишине и покое.

И точно, 7 мая 1920 года между Россией и Грузией был подписан мирный договор, в котором дословно было сказано: «Россия безоговорочно признает независимость и самостоятельность Грузинского государства и отказывается добровольно от всяких суверенных прав, кои принадлежали России в отношении к грузинскому народу и земле». Кроме того, Россия обязалась «отказаться от всякого рода вмешательства во внутренние дела Грузии». Правда, большевикам удалось дополнительным протоколом добиться от грузинов, чтобы те не препятствовали деятельности коммунистов, более того – разрешили им вести агитацию и пропаганду – но в целом независимость Грузии большевиками сомнению не подвергалась. Пока...

Понятно, почему. Весна 1920 года – весьма тяжелое для Советской России. РСФСР вступила в войну с Польшей, активизировался Врангель; плюс к этому на территории Грузии находятся английские войска, вступать в бои с которыми в планы Красной Армии пока не входило. Поэтому большевики посчитали возможным дать грузинам сполна насладиться независимостью – но недолго.

Кроме замирения с Грузией, большевики также в это же время решили закрыть «армянский вопрос» – путем инкорпорации армянской территории обратно, под власть Москвы, благо, военных сил для этого требовалось не в пример меньше, чем для покорения Грузии. Заодно, чем черт не шутит, можно было бы попробовать урвать кусок Северного Ирана, где у царской России были серьезные экономические и политические интересы. Учитывая, что силы Красной Армии в Закавказье были весьма немногочисленными – превратить в жизнь эти решения в короткие сроки оказалось довольно трудно. Но сделано было все максимально возможное.

В апреле 1920 года под руководством шейха Мохаммеда Хиабани в Тебризе (северный Иран) началось восстание против англичан и правительства Ахмед-шаха. В первых числах мая 1920 года советские войска в Азербайджане получили прямой приказ поддержать военным путём восставших.

Но иранские бунтовщики – не единственные, кому срочно требовалось «помочь» в эти весенние дни. 10 мая армянский Ревком в Александрополе, в соответствии с решением конференции армянских большевиков «поднять вооруженное восстание с помощью русского народа», начал это самое

восстание. На помощь армянским «братьям по классу» выдвинулась кавалерийская бригада Красной Армии – но, увы, из-за необходимости подавления мятежа в Гяндже советские войска вынуждены пока «освобождение» Армении свернуть. Пришлось выбирать между «советизацией» бесплодных армянских плоскогорий и установлением советского влияния в Северном Иране – на оба проекта сил физически не хватало. Решено было все же довести до логического завершения «иранский план» – ввиду его большей экономической значимости.

14 мая в Баку Фёдор Раскольников – командующий советской Каспийской военно-морской флотилией – издаёт приказ о проведении десантной операции в городе Энзели (иранский город-порт на каспийском побережье). Официально – с целью захвата военных кораблей белой флотилии, которые после ликвидации деникинского, уральского и закаспийского фронтов ушли в Иран. Неофициально – с целью установления советского господства на южном побережье Каспийского моря.

17 мая советская эскадра в составе двух вооруженных пароходов, четырёх эсминцев, двух канонерских лодок, одного тральщика и трёх транспортов с десантом в две тысячи штыков вышли из Бакинского порта и взяли курс на Энзели. В то же время кавалерийский полк 11-й армии перешёл советско-иранскую границу и двинулся туда же по каспийскому побережью.

В окрестностях Энзели находились подразделения 36-я пехотной дивизии англо-индийских войск, общим числом в шесть тысяч штыков. Этим индусам и гуркхам советское командование предъявило ультиматум – немедленно отступить вглубь иранской территории, дабы не мешать русским разобратся между собой. Чтобы «англичане» были поговорчивей, рано утром 18 мая, по истечении срока ультиматума, 4 советских эсминца открыли огонь по селению Копурчаль, что в 15 километрах к западу от Энзели.

Одновременно под прикрытием тральщика «Володарский» началась высадка десанта в посёлке Кивру, в 15 километрах восточнее Энзели. Англичане довольно робко сопротивлялись (их сторожевой катер пытался атаковать эсминец «Дерзкий»), а затем приняли советский ультиматум и отвели свои части в Решт. Белогвардейцы со своих кораблей бежали через Энзелийский залив в сторону Пирбазара, не принимая морского боя (по-видимому, такого исхода своей эмиграции они не планировали).

В результате десантной операции южное побережье Каспия было очищено от остатков белогвардейских частей, захвачены все «белые» военные корабли – 17 транспортов (из них 7 вооруженных), 1 плавбаза, 1 авиатранспорт, 4 торпедных катера, 4 гидросамолёта, 50 орудий.

Программа-минимум выполнена. Но есть еще программа-максимум...

В это же время отряды иранских повстанцев-дженгелийцев (союзников вторгшейся в пределы Ирана Красной Армии) под руководством Кучек-хана взяли город Решт. 6 июня 1920 года в нем провозглашается Гилянская советская республика (ибо происходило всё это безобразие на территории североиранской провинции Гилян). Затем «революционные персидские войска» начали наступление на юг, на Казвин и Тегеран – которое поначалу шло весьма успешно. 31 июля Персидская Красная Армия овладела укрепленным городом Менджиль, 6 августа её штаб сообщал Троцкому: «Имеется очень благоприятная обстановка для немедленного наступления на Тегеран. Но большие переходы и тяжелые бои под Менджилом окончательно истрепали армию. Нет свежих резервов. Заминка вызовет неблагоприятные последствия. Настоятельно необходима присылка свежих **русских** боеспособных частей под видом добровольцев. Необходимо не менее 3000 русских, в противном случае все революционное движение в Персии обречено на неудачу».

РУССКИХ частей Москве для Персии взять было негде – в эти дни на правом берегу Вислы решалась судьба «Польского похода» РККА – и поэтому в начале августа ситуация начала ухудшаться. Правда, 15 августа Персидской Красной Армии удалось занять Куинский перевал, и казалось,

что дорога на Казвин и Тегеран открыта. Однако в этот решающий момент нехватка РУССКИХ войск сказалась самым роковым образом – «персидские» (то есть азербайджанские) части, сформированные как из местных уроженцев, так и прибывшие из Баку, частью разбежались, частью перешли к противнику, уничтожив командный состав. Реввоенсовет Персидской армии надеялся остановить отход своих частей и закрепиться под Менджилем. Но для достижения этой цели нужны были русские части – которых, увы, не было. Прибывший в качестве подкрепления «Рабоче-крестьянский полк», по оценке командующего Персидской Красной армией генерала Каргалетели (псевдоним «Шапур»), представлял собой «совершенно необученный сырой материал, годный только для переворота в тылу», а оставшиеся в строю моряки «непригодны для боя». Уже 17 августа был оставлен Менджиль, а еще через три дня – столица Советской Персии Решт. Правда, Советской России удалось оставить за собой Энзели и прилегающую местность (за что спасибо двум русским полкам, переброшенным в Персию в последний момент) – но в целом идея «советизации Ирана» была отложена «на потом».

Ничего удивительного в этом нет – Советской России в тот момент было не до новых завоеваний; в это время в Восточной Польше гибнет Западный фронт Тухачевского, армия генерала Врангеля прорывается в Таврию и угрожает Екатеринославу и Николаеву – поэтому все силы советское

правительство направляет на Запад и Юго-запад, временно отложив в сторону планы окончательного решения закавказского вопроса.

Исходя из требований момента, 10 августа 1920 года Советское правительство официально признает независимость Армении – пока не до «освобождения» этой территории, дай Бог уже захваченное сохранить – и временно сворачивает программу «советизации» Северного Ирана; гилянским мятежникам приходится рассчитывать только на свои силы...

* * *

Осенью 1920 года большевики напрягают все усилия на то, чтобы победоносно завершить Гражданскую войну – все понимают, что еще одной военной зимы страна не перенесет. Поэтому Южный фронт, получив максимально возможное количество подкреплений, выбивает войска Врангеля из Таврии, штурмует Перекоп, форсирует Сиваш и на плечах отступающих белых врывается в Крым. Потери, понесенные войсками, никого из руководства Красной Армии не пугают – война заканчивается, и пятимиллионная армия уже никому в руководстве РСФСР более не нужна. Результат же этого яростного кровавого натиска – прекращение войны – оправдывает затраченные на него средства с лихвой.

И теперь, после ликвидации последнего очага открытой контрреволюции – приходит время поставить точку в закавказ-

казских делах.

* * *

28 сентября 1920 года в пределы Карской области, по Севрскому договору (подписанному и самостийным правительством Армении, неожиданно для самой себя вдруг вошедшей в число победителей в Первой мировой войне) перешедшей под власть Армении, вторглись турецкие войска Карабекир-паши (24 августа 1920 года делегациями Советской России и Великого Национального собрания Турции был подписан договор о «дружбе и братстве», и кемалисты получили карт-бланш на войну с Арменией), и в течении месяца заняли Карс и Александрополь. В ходе боев погибло более 60.000 армян – после чего правительство РСФСР предложило терпящей военное поражение Армении свои услуги в качестве посредника для заключения мира.

Дашнаки (Арменией тогда правили члены националистической партии «Дашнакцютюн») от предложенной помощи отказались – но, как выяснилось, спрашивали совсем не их. Спрашивали армянских большевиков, спрашивали 300.000 беженцев из турецкой Армении, однозначно пророссийски настроенных и только в России видящих спасение от повторения резни 1915-го года – которые были целиком «за» советскую военную помощь. И 27 ноября Ревком 11-й армии постановил, что не может отказать в помощи «восставшим

массам рабочих и крестьян Армении, настаивающим на воссоединении Армении с великой семьей советских республик».

29 ноября две стрелковые дивизии 11-й армии и добровольческий полк армян перешли азербайджано-армянскую границу. Через два часа армянский реввоенком в Каравансарае провозгласил Армянскую ССР, которая в этот же день была признана Москвой. 1 декабря части Красной Армии вошли в Ереван. Правда, «красивой и элегантной» эту победу назвать трудно – из-за мятежа так называемого «Комитета спасения отечества», начавшегося 13 февраля в Башгярни. Мятженикам даже удалось вытеснить Красную Армию из Еревана (ее основные части в это время были уже в Грузии) и вновь вернуть столицу Армении под красное знамя удалось лишь 2 апреля, сопротивление же в Зангезуре продолжалось до 14 июля – но в целом «советизация» Армении прошла относительно успешно и почти без потерь.

* * *

Относительно Грузии же подобный сценарий практически бескровного «восстановления исторической справедливости» командованием 11-й армии всерьез не рассматривался – грузины были гораздо более опасным (как тогда казалось) врагом, чем все остальные закавказцы. Поэтому для вторжения в Грузию нужно было подыскать и повод посе-

рьезней, и войск нагнать погуще. А решать «грузинский» вопрос требовалось более чем срочно – к грузинам у Советской России поднакопилось уж очень изрядно претензий, и их критическая масса к концу 1920 года превышала все разумные пределы. Грузины после Октябрьского переворота стали вести себя по отношению к бывшему суверену уж слишком откровенно по-хамски. Так, в декабре 1917-го., например, в Тифлисе и в январе 1918-го у станций Шамхор и Хачмас по приказу председателя Президиума Краевого Центра Н.Н. Жордания были совершены нападения (с целью захвата оружия) на арсеналы и возвращающиеся в Россию части Кавказской армии; погибли минимум 2000 русских солдат, тысячи были ранены; исполнителями «акций» в январе 1918 года были, правда, азербайджанцы, но – под командованием грузинских комиссаров-меньшевиков.

Как уже писалось выше, в июле 1918 года. грузинские формирования, силой до дивизии, вторглись на Кубань и заняли побережье вплоть до Туапсе, хотя грузинам было отлично известно, что дореволюционной границей между Кутаисской и Черноморской губерниями была р. Бзыбь. Но какое дело «революционным грузинским войскам» до каких-то там «царских» границ! Раз уж Российская империя приказала долго жить – то тут не зевай, грабь все, до чего дотянутся шаловливые ручонки! Но по ручонкам очень скоро крепко ударили – район Туапсе был отбит у грузин в сентябре 1918 года Таманской Красной армией, которая сама

была, в свою очередь, выбита через несколько дней Добровольческой армией. Районы же Сочи и Гагр отбиты у грузин Добровольческой армией в феврале 1919 года; правда, Гагры грузины вновь захватили в апреле 1919-го. и даже продвинулись до Адлера, но затем оставили его и отошли за р. Псоу.

Так что причин для «окончательного решения грузинского вопроса» у товарищей в Москве к концу 1920 года поднакопилось более чем изрядно. И теперь проблема стояла лишь в поводе для вмешательства в грузинские дела...

* * *

Поводы для «советизации» Грузии были найдены. И весьма многочисленные!

Во-первых, на территории Грузии практически все время ее существования находились недружественные Советской России иностранные войска – на что товарищ Ленин еще в июле 1918 года заявил: «Независимость Грузии – это чистейший обман, союз немецких штыков и меньшевистского правительства против большевистских рабочих и крестьян». Увы, тогда, летом восемнадцатого года вождь мог злобствовать сколько угодно – сделать Москва тогда ничего не могла; и лишь тогда, когда с территории Грузии ушел последний британский солдат (летом 1920 года) – военное решение грузинской проблемы стало возможным. Поскольку англичане в течении двух лет имели в Закавказье плацдарм влияния

на «кавказское подбрюшье» РСФСР – то теперь, после их ухода, иностранным военным присутствием можно было бы вполне оправдать грядущее советское вторжение – дескать, если вы ранее радостно привечали в своих палестинах враждебные нам войска, то где гарантии, что не сделаете этого в будущем?

Во-вторых, за политиками с берегов Ингури числилось изрядно всяких антироссийских пакостей – грузины, например, активно поддержали (оружием, деньгами, инструкторами, созданием в Тифлисе штаба) в сентябре 1920-го – марте 1921 года вооруженный мятеж Н. Гоцинского (провозгласившего себя «имамом») и Саид-бека (якобы – внука Шамиля) в Чечне и Дагестане; мятеж, кстати, был подавлен лишь в 1925 года когда уже канули в небытие его тифлиссские спонсоры.

В-третьих, все время существования независимой Грузии продолжался осетинский мятеж (лидеры которого провозгласили Советскую власть и добивались присоединения к РСФСР). И помочь осетинам было бы святым делом со стороны великого северного соседа – причём помочь вплоть до полной оккупации Грузии (а кто сказал, что в Батуми нет ни одного осетина?). Это было бы не более, чем традиционное на Кавказе «аллаверды». Ведь в июне 1919 года. грузинские войска вторглись в Южную Осетию, а в июне 1920-го подавили вспыхнувшее в Джавском ущелье восстание осетин; действия грузин в Южной Осетии в 1918-21 года впол-

не можно определить, как геноцид – погибло, по различным источникам, от 10 до 12 тысяч осетин, стало беженцами около 30.000 человек. Разве подобные действия «демократической Грузии» не требовали немедленной реакции, и по возможности – максимально жесткой?

В-четвертых, «независимая Грузия» стала постоянным источником агрессии в Закавказье – как против «просоветских» Южной Осетии и Абхазии, так и против «дружественных» режимов Азербайджана и Армении. в декабре 1918 года, после отхода турок, грузины развязали двухнедельную армяно-грузинскую войну. Что характерно – грузинские «империалисты» армянскими ополченцами были разбиты, но армяне, под давлением англичан, вынуждены были оставить Джавахетию (медные месторождения) и «зону Лори» (провозглашена нейтральной). Но в декабре 1920-го, воспользовавшись трудностями Армении во время её войны с Турцией, грузины занимают эту «нейтральную» «зону Лори». Относительно же Азербайджана – грузины заняли и удерживали до самого конца «демократической Грузии» населенный лезгинами-мусульманами (суннитами) Закатальский округ – хотя до открытого противодействия с Азербайджаном тут дело не дошло.

В-пятых, постоянно вспыхивали антигрузинские (и, соответственно, просоветские) мятежи в Абхазии – тоже, чем не повод к вторжению?

Правда, в самой Грузии большевики опирались на силы,

более чем мизерные. Поэтому пьесу с «восстанием народных масс и провозглашением Грузинской ССР» пришлось, как это ни печально, отложить в сторону. Первую партию должна была выполнить Красная Армия, почти исключительно соло.

* * *

В январе 1921 года Ленин набрасывает проект постановления Политбюро. В нем вождь потребовал: «1) Поручить НКВД оттягивать разрыв с Грузией. 2) Запросить Кавфронт о том, насколько подготовлены наши наличные военные силы на случай немедленной или близкой войны с Грузией и поручить формулировку этого вопроса, с указанием на крайнее обнагление Грузии, комиссии из тт. Троцкого, Чичерина и Сталина. 3) Дать директиву РВСР и Кавфронту готовиться на случай войны с Грузией». В общем, все простенько, без изысков. Война так война, «обнагление»-то налицо! В конце концов, кто-то же должен был ответить за бесчинства против русских солдат, возвращавшихся с Турецкого фронта, кто-то должен был заплатить цену крови двух тысяч ни в чем не повинных солдатских душ, кто то должен был рассчитаться за бесчисленные захваты русского военного имущества, за туапсинскую авантюру, за кровь осетин и абхазов? За все в жизни надо платить – вот и для тифлисских меньшевиков пришло время расчета...

Поэтому нет ничего удивительного в том, что 11 февра-

ля 1921 года в оккупированной грузинами нейтральной «зоне Лори» началось большевистское восстание, подготовленное местными большевиками с живейшим участием полпреда РСФСР в Грузии С.М.Кирова; восставшие обратились за помощью к Москве.

14 февраля 1921 года командование 11-й армии получает телеграмму Ленина: «активно поддержать восстание в Грузии и оккупировать Тифлис, соблюдая при этом международные нормы». Не совсем, правда, понятно, как вождь планировал «соблюсти международные нормы» при агрессии против государства, чью независимость в прошлом году признал – но это не важно. Важна сама технология решения политических вопросов – которая к этому времени большевиками отработана ювелирно!

Не объявляя войны, 19 февраля 1921 года 11-я армия красных (9-я, 18-я, 20-я, 32-я стрелковые дивизии, 12-я и 18-я кавалерийские дивизии, 98-я стрелковая бригада, пять бронепоездов, 55-й бронепоезд (14 бронепоездов разных модификаций) и 2-й танковый отряд (из шести трофейных английских танков), авиационный отряд из трех дюжин разномастных аэропланов французского и английского производства) вторглась в Грузию со стороны Армении и Азербайджана, 9-я армия (ее 31-я стрелковая дивизия во взаимодействии с отрядами абхазов Нестора Лакобы) – вошла в грузинские пределы со стороны Южной Осетии и Абхазии. Всего войска Красной Армии и союзных ей частей

(армянская кавалерийская бригада, отряды восставших грузин-большевиков, абхазские отряды Н.Лакобы) насчитывали около 40 тыс. штыков и сабель, одновременно участвовали в боях не более 30 тыс. бойцов (завершение Тифлисской операции, 24-25 февраля). Грузинская армия насчитывала 50 тыс. регулярных войск, оснащенных бронепоездами, самолетами, бронеавтомобилями и тяжелой артиллерией, кроме того, в ходе боевых действий к ним присоединилось неопределенное количество вооруженных ополченцев. Тем не менее – советско-грузинская война продолжалась ШЕСТЬ ДНЕЙ – после чего части РККА торжественным маршем вошли в Тифлис; особая пикантность этой ситуации в том, что в этот же день, 25 февраля 1921 года, независимость Грузии была признана Великобританией и Францией!

* * *

В Грузии одержана военная победа – но в Иране клубок проблем все нарастает, и требуется его срочно распутать; но как? И тут на помощь Москве в этом деликатном вопросе приходят иранские военные.

21 февраля 1921 года в Тегеране подполковник казачьей дивизии (*иранской* казачьей дивизии; была такая фишка у Ахмед-шаха: после успешного подавления донцами революции в Тебризе в начале века решил он завести собственных,

персидских, казаков) Реза-хан произвёл военный переворот; вскоре новоиспечённый военный министр (он же) сосредоточил в своих руках всю полноту власти. *Кстати, через четыре года он низложит жившего в эмиграции в Париже Ахмед-шаха и провозгласит себя новым шахом Ирана, основателем династии Пехлеви – но это будет попозже*. Тут же Реза-шах начинает прилагать максимум усилий, чтобы договориться с большевиками – ибо в их руках серьезные рычаги влияния на политическую ситуацию во вверенной ему стране (впрочем, вверенной им же – но какая разница?). В результате усилий Реза-шаха очень скоро был подписан советско-иранский мирный договор, по которому наш южный сосед получал безвозмездно все бывшие русские концессии, Учётно-ссудный банк и порт Энзели – мы же получали карт-бланш на введение своих войск в Северный Иран, буде политическая ситуация у южного соседа покажется нам неблагоприятной или у нас возникнут сомнения в лояльности тегеранского режима.

К сожалению, «советизировать» хотя бы Северный Иран нам не выгорело – в отличие от Закавказья, в Персии не было русских рабочих, членов РСДРП (б), равно как и русских воинских частей старой царской армии; регулярных войск Красной Армии там тоже было весьма жидко – два полка кавалерии и два пехотных полка, укомплектованных по принципу «на тебе, Боже, что нам не гоже»; так что иранским

большевикам приходилось опираться на разные сомнительные племенные объединения, весьма далекие от идей коммунизма, преследовавшие свои собственные цели, зачастую весьма отличные от целей Совета Народных Комиссаров и Политбюро ЦК ВКП(б); более того, местные военные формирования снабжались оружием, снаряжением и продовольствием, а также финансировались из местных источников, что делало управление ими со стороны Гилянского ревкома чисто номинальным.

Посему крах Гилянской Советской республики был весьма предсказуем – Советская Россия не имела пока сил и возможностей для захвата Северного Ирана.

* * *

То ли дело в Средней Азии!

Благословенный регион, стерильно чистый с политической точки зрения! 99 % населения политикой не занимаются, даже слова такого – «политика» – не знают, и знать не хотят. Для этого населения все просто. Есть «белый царь» в Петербурге, некое верховное «нечто»; есть местные баи, которым оный «белый царь» поручил опекать стадо аллахово – собирать налоги, карать преступников, делить воду. Вот и вся картина мироздания в глазах рядового дехканина.

Политикой занимаются в городах. И там две силы – организованные русские рабочие (железнодорожники, главным

образом), которых неизбежно поддерживают немногочисленные русские гарнизоны (в силу естественного чувства национальной общности, а вовсе не из-за поголовной большевизации русских частей), и местные националистические движения – разрозненные, слабые, не располагающие реальной военной силой: бухарские джаиды, партия «Шураи-Ислам», религиозно-консервативная «Улема» – стоящие на платформе панисламизма и пантюркизма.

* * *

В последние месяцы 1917 года Советская власть была быстро и безболезненно установлена во всех городах Туркестана – но это была **советская власть для русских**; местные в ее установлении никакого участия не принимали, за редчайшим исключением. Местные политически активные деятели созвали съезд мусульман в Коканде и там провозгласили автономию Туркестана – одновременно с этим казахская партия Алаш объявила о создании автономной Алаш-Орды.

Слава Богу, большевики всю эту музыку всерьез решили не воспринимать. В начале февраля 1918 года ташкентские отряды Красной Армии разбили «Кокандскую автономию». В этом им серьезно помог гарнизон Кокандской крепости, хотя и насчитывавший всего полторы сотни ограниченно годных к строевой службе солдат, но зато располагав-

ший батареей трехдюймовок – а в Азии, как известно, прав тот, на чьей стороне сила. Шесть орудий, защищённых от атак пехоты метровой толщины стенами – это была сила, и эта сила была в руках красных. Именно эти шесть трёхдюймовок и стали главным аргументом в споре большевиков с автономистами – автономисты могли рассчитывать на семь-восемь тысяч басмачей под предводительством Иргаш-хана, вооруженных в лучшем случае винтовками и саблями, у большевиков же, кроме полутысячи железнодорожных рабочих и солдат Ташкентского гарнизона, прибывших на помощь своим, были орудия неприступной для спустившихся с гор банд крепости. Победило техническое превосходство – батарея Кокандской крепости в течение суток вела артиллерийское наступление на город, в результате которого автономисты разбежались, басмачи ушли в горы – и в Коканд вступили победоносные отряды Красной Армии.

Еще быстрее большевики разогнали Алаш-Орду. Но первая попытка таким же лихим рейдом в феврале 1918 года захватить автономную Бухару закончилась фиаско – ташкентским отрядам численностью всего в две тысячи человек эмир Бухары противопоставил пятнадцатитысячную армию, снабженную английскими пушками и пулеметами. Пришлось временно признать самостоятельность эмира – ограничив, правда, его армию двенадцатью тысячами штыков и сабель в рамках соответствующего договора.

На съезде советов Туркестана 30 апреля 1918 года была провозглашена Туркестанская Советская Республика в составе РСФСР – большевики решили, что для управления процессом «советизации» Средней Азии им необходим соответствующий орган власти на месте. И процесс «триумфального шествия Советской власти» с этого момента пошел из Ташкента – благо, здесь была сосредоточена «промышленность» Туркестана (с ее русскими рабочими) и немаленький гарнизон русских войск (включая тяжелую артиллерию, бронепоезда, аэропланы и бронев автомобили).

Хивинское ханство было оккупировано в феврале 1920 года и стало Хорезмской республикой; в августе этого же года поднятый «Компартией Бухары» (созданной весной 1919 года в Ташкенте) путч был поддержан Красной Армией и благополучно завершился «поднятием победоносного знамени мировой революции» над «священной» Бухарой. 5 октября Всебухарский курултай провозгласил создание Народной Бухарской Республики.

Правда, надо отметить, что в Средней Азии большевики столкнулись в такой малоприятной вещи, как басмаческое движение – значительно более сильное, нежели бандитизм на Украине и Северном Кавказе. С 1918 по 1924 год басмачи несколько раз всерьез ставили под сомнение власть Совет-

ской России на юге Туркестана (особенно в Ферганской долине, где, например, летом 1920 года численность басмаческих отрядов достигала 30.000 сабель), и местным военным властям приходилось работать с крайним напряжением сил. Случались моменты, когда власть во всей Фергане захватывалась командирами басмаческих банд – в руках Советов не оставалось ни одного города!

Да и в Хиве (пardon, теперь она – Хорезмская республика) отряды Джунаид-хана активно действовали до 1928 года. В Бухаре некоронованным королем республики очень долго был Ибрагим-бек, а беглый турецкий военный министр Энвер-паша, сдуру завезенный большевиками в Фергану, едва не изгнал Советы из Бухары, Хивы и Туркестана – собрав 50-тысячное войско, он захватил Душанбе и установил контроль над всей Восточной Бухарой (ныне – территория Таджикистана). К счастью, в стычке с отрядом местных пророссийских ополченцев у города Бальджуана этот авантюрист был убит – и все планы создания единого пантюкистского государства, вынашиваемые его мятежной головой, были забыты.

В общем и целом, Советская власть в Средней Азии была установлена быстро и безоговорочно – благо, сопротивление местных националистов удалось подавить сразу, без промедления, используя тот факт, что для подавляющего большинства населения власть Петербурга была чем-то сродни власти аллаха – никто его не видел, но все о нём знают. Если в

Питере «белый царь» уступил свои права суверена «большевикам», и теперь они правят Средней Азией – значит, такова воля аллаха. Иншалла!

А многочисленные басмаческие объединения никаких позитивных и созидательных целей не имели – это было не политическое, а исключительно конфессионально-этническое разбойничье движение, вспыхнувшее в результате временного ослабления центральной власти. Басмачи **не ставили под сомнение право русских управлять Туркестаном** – басмачи мечтали лишь о том, чтобы урвать на время возможность порулить каким-то одним определенным регионом, «снять кассу», а затем уйти в горы (вариант – за Атрек или Пяндж). Они не ставили перед собой никаких серьезных политических целей – во всяком случае, в 1918-1922 годах.

* * *

Таким образом, можно подвести некоторые итоги.

Взяв власть в России, большевики на следующий же день столкнулись с огромным количеством проблем во внутренней и внешней политике – которые им надлежало незамедлительно решать. И они их решили – то есть смогли за первые пять лет существования своего политического режима удержать власть как в собственно России, так и на национальных окраинах (за исключением Польши, Прибалтики, Финляндии, западных частей Белоруссии и Украины).

Мало того – большевикам удалось оттеснить от руля власти все иные партии – не говоря уже о буржуазных кадетях или октябристах, в числе «врагов революции» оказались и союзные большевикам в октябре 1917-го левые эсеры. Но двум медведям в одной берлоге не выжить – посему политическое решение о предании суду Верховного Трибунала заключённых к тому времени под стражу эсеров было принято на пленуме ЦК РКП (б) 28 декабря 1921 года. Причём в постановлении пленума указывалось, что к суду должен быть привлечён весь состав Центрального Комитета партии социалистов-революционеров. То есть изначально будущий судебный процесс замыслился как массовый и показательный, как важное средство дискредитации партийного руководства эсеровской партии в глазах российских трудящихся и международного общественного мнения. Тем самым планировалось завершение беспощадной борьбы на уничтожение – политическое и физическое – сильной и реальной оппозиции большевистской власти в лице эсеровской партии. Следует также заметить, что развернувшаяся вскоре беспрецедентная антиэсеровская кампания практически совпала со столь же беспрецедентной антицерковной кампанией – борьбой большевистской власти с оппозицией духовной. Обе они использовали одинаковые средства и методы борьбы. И одинаковую цель – удержание власти большевиков, ликвидацию всякой внутренней оппозиции, стерилизацию идейно-политического пространства в России.

Другой вопрос – какова была цена удержания этой власти?
Цена была чрезвычайно высокой.

К концу 1920 года Советская Россия переживала острый экономический кризис, вызванный большими потерями за годы Первой мировой и гражданской войн. Общий экономический ущерб от событий 1914-1920 годов оценивался в размере более пятидесяти миллиардов золотых рублей. Крупная промышленность России в это время производила продукции почти в семь раз меньше, чем в 1913 году, грузооборот железных дорог уменьшился более чем в четыре раза. Велики были и людские потери: в боях, от ран, голода, болезней, красного и белого террора погибло не менее 10 млн. человек. От 1,5 до 2 млн. человек были вынуждены эмигрировать. Годы войны и хозяйственной разрухи привели к значительному сокращению общей численности промышленных рабочих, которая в 1920 году составляла 1 млн. 270 тыс., или почти в два раза меньше, чем в 1913 году (2 млн. 400 тыс.). В городах появилось большое количество безработных. Спасаясь от голода, многие рабочие уходили в деревню или начинали заниматься кустарным производством. За годы революции, гражданской войны Москва потеряла половину своего населения, а Петроград – две трети.

Потери страны были немыслимо, чудовищно велики.

И теперь следовало определить – во имя чего Россия понесла столь колоссальные затраты. Какая цель теперь, после окончательной победы внутри страны, должна была встать

перед РКП(б). Во имя чего было загублено столько жизней, сожжено и разрушено столько городов и деревень, изгнано в эмиграцию такое неисчислимое множество народу. Зачем было все это?

Глава первая

Первый среди равных.

... Первый ли?

До сих пор мы говорили «большевики» – подразумевая под этим общим наименованием членов российской коммунистической партии большевиков, захватившей власть в России 25 октября 1917 года и удержавшей ее, вопреки всем препятствиям, невзгодам и лишениям, победившей всех своих врагов как на внешних фронтах, так и внутри страны, и к 1922 году окончательно утвердившей свое господство над Россией.

До этого времени единство партии, исключая мелкие эпизоды тактических разногласий, было незыблемым – оно было одним из главных факторов, возможно, ключевым, позволившим большевикам удержать власть над страной.

Но большевистская партия отнюдь не была сама по себе единой – как бывает единым гранитный монолит. Партия состояла из людей – и у каждого, кто занимал в ней более-менее значительный пост, было свое видение будущего страны.

До определенного момента это видение у всех руководителей партии было довольно схожим – надо было победить внутреннюю и внешнюю контрреволюцию и утвердить свою власть в России как можно более прочно. А вот с перехо-

дом страны на мирные рельсы (началом проведения государством новой экономической политики и вообще мирной жизни следует считать X съезд РКП(б), состоявшийся в марте 1921 года) у каждого из вождей РКП(б) появился собственный взгляд на будущее страны.

* * *

У вождя революции и Предсовнаркома В.И. Ульянова-Ленина отношение к русской революции было двойственным. Конечно, как и все марксисты, он продолжал считать, что социалистическая революция всенепременно должна охватить передовые страны Европы (потому что так написано у Маркса), а Россия является лишь слабым звеном в цепи империализма – каковое его партия и вырвала из оной цепи («Россия – крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. *Непосредственно* в ней *не может* победить *тотчас* социализм. Но крестьянский характер страны при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков на основе опыта 1905 года *может* придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции *пролог* всемирной революции, *ступеньку* к ней»). Дело, конечно, хорошее, но русская революция – всего лишь первый шаг ко всемирной пролетарской революции, которую вождь страстно жаждал и к которой должна была (по его раскладам) стремиться РКП(б),

в полном составе.

Надо сказать, что большинство руководителей партии придерживались примерно такой же точки зрения. Особенно за «перерастание русской революции в мировую» ратовали те деятели в руководстве РКП(б), которые довольно долго прожили в эмиграции, привыкли к европейскому уровню жизни и комфорта – и жаждали стать вождями европейской революции, вернуться в берлины и базели уже не гонимыми и полунищими эмигрантами, а хозяевами жизни, вершителями судеб европейских народов.

Но все же Ильич, несмотря на постоянные завывания о «мировой революции», однажды попытался изречь мысль и о «возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране» (причем под словом *страна* имелась в виду вовсе не Россия – «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств» – речь в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы» шла больше о Гер-

мании) – увы, сей тезис применительно к России среди его единомышленников особой популярностью как-то не пользовался. Мировая революция! И никаких гвоздей.

* * *

Даже отход от политики «военного коммунизма» и принятие Десятым съездом РКП(б) решения о замене продразверстки продналогом, что означало коренное изменение способов заготовки продовольствия и сельскохозяйственного сырья – большинством руководства партии воспринималось просто как политика накопления сил для решающего рывка на Запад. Кстати, руководству РКП(б) стоило больших усилий убедить рядовых членов партии в целесообразности нового экономического курса. Некоторые парторганизации усмотрели в оживлении частной торговли и переговорах с иностранцами о продаже концессий «капитуляцию перед буржуазией», практически во всех парторганизациях имели место случаи выхода из РКП(б) «за несогласие с НЭПом». Во время «дискуссии о профсоюзах» позицию Троцкого, выразившуюся в требованиях сохранения в управлении страной методов «военного коммунизма» и милитаризации профсоюзов, поддержало, в различных парторганизациях, от трети до половины коммунистов. Сторонников «трудармий» и немедленной поголовной коллективизации в партии было не меньше, чем их противников!

В связи с нарастанием недовольства со стороны «партийных низов» Центральный Комитет РКП(б) решил созвать в мае 1921 года экстренную Всероссийскую партконференцию. В своих выступлениях на конференции В.И. Ленин доказывал необходимость новой экономической политики, подтвердив, что НЭП вводится не для обмана, а «... всерьез и надолго, возможно, на пять-десять лет».

К тому же к этому времени была прорвана «дипломатическая» блокада Советской России – в апреле 1922 года в г. Рапалло (Италия) был подписан советско-германский договор, по которому были восстановлены дипломатические отношения между двумя странами. После подписания Рапалльского договора начался период признания Советской республики многими странами мира. Это позволило заключить различные экономические договоры, причем многие из них не ограничивались только сферой международной торговли, но охватывали также технические и технологические связи, прежде всего с Германией, США, Англией. После заключения Рапалльского договора более двух тысяч немецких инженеров и техников прибыли в Россию для участия в восстановлении промышленности.

Кроме введения НЭПа, Ленин начал усиленную подготовку к юридическому оформлению союза советских республик – причем волевым решением вождя этот союз должен был стать сообществом равных субъектов, в отличие от планов наркомнаца Сталина, предлагавшего вхождение совет-

ских республик в РСФСР на правах автономий.

* * *

Но здоровье вождя с конца апреля 1921 года начало неудержимо ухудшаться. Он уже не мог в полной мере руководить одновременно и партией, и государством; 26 мая 1921 года у него случился инсульт с частичным параличом правой стороны и потерей речи. С этого момента Ленин превратился в символ, в знамя партии – не являясь уже на самом деле ни ее вождем, ни Председателем Совнаркома.

К счастью, за полтора месяца до этого, 3 апреля 1922 года, генеральным секретарем ЦК ВКП(б) был назначен И.В. Сталин, до этого бывший наркомом по делам национальностей (в первом Советском правительстве, сформированном сразу после Октябрьского переворота) и наркомом Рабоче-крестьянской инспекции, во время же гражданской войны входивший в состав Совета Рабочей и Крестьянской Обороны от ВЦИК, бывший членом РВС Республики, членом РВС Южного, Западного и Юго-Западного фронтов.

Основной задачей генерального секретаря (при дееспособном вожде) было: координировать работу сложного партийного аппарата, заниматься подбором и учетом партийных (а на деле – и вообще ВСЕХ) кадров, руководить повседневной работой партийных организаций. Помощниками Сталина были назначены Молотов и Куйбышев.

В ситуации же лета 1922 года техническая по своей сути должность генерального секретаря приобретала весьма серьезное значение – отныне (поскольку Сталин решением Политбюро назначался «ответственным за связь с врачами», на деле же становился «куратором» больного Ильича) в его руках концентрировалась фактическая власть над аппаратом РКП(б), а через него – над всей страной.

Правда, Ленин в октябре 1922 года вернулся к активной работе – но ненадолго: 16 декабря последовал новый удар, и 24 декабря решением Сталина, Каменева и Бухарина (де-юре – решением лечащих врачей, конечно) Ленину был предписан постельный режим. Ну, а чтобы Ленин не задавил лечащих врачей своим авторитетом и не продолжал работать, несмотря на их запреты – решением пленума ЦК от 18 декабря 1922 года на Сталина была возложена **персональная ответственность** за соблюдение режима, установленного врачами для Ленина.

С парализованной правой рукой и ногой, вождь все же продолжал настаивать на своем праве продолжать руководить страной – более того, он часто игнорировал своего «надсмотрщика» и надиктовывал Крупской свои руководящие указания, отправляя их через голову Сталина исполнителям на местах.

Такая ситуация не могла продолжаться долго – занятый юридическим оформлением союза советских республик, Сталин не желал терпеть указаний живого мертвеца,

с маниакальным упорством лезущего управлять государством – и после очередного письма (по поводу монополии внешней торговли) пригрозил Крупской Комиссией партконтроля (очень серьезной организацией, загонявшей прощтрафившихся коммунистов за Можай). Крупская пожаловалась Ленину – в результате чего с 23 по 31 декабря парализованный вождь надиктовал ряд записок о будущем партии, 4 января 1923 года написал дополнение к своим запискам, в котором обвинял Сталина в грубости и предлагал снять его с поста Генерального секретаря. Записки эти, под заглавием «Письмо к съезду», стали известны как «Завещание Ленина».

Кроме этого фрагментарного «завещания», с января по февраль 1923 года Ленин написал пять статей, среди них – «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше» и другие.

* * *

Пока Ильич совершенствовался в публицистике, Сталин со товарищи совершили, без сомнения, историческое деяние – 30 декабря 1922 года на I Всесоюзном съезде Советов было принято решение об образовании Союза Советских Социалистических Республик.

История его создания – отдельная тема, посему мы здесь только вкратце обрисуем основные тезисы, на которых стро-

илась политика объединения советских республик.

* * *

Пункт «о праве наций на самоопределение», забитый в программе РСДРП(б) еще до того, как она стала в России «руководящей и направляющей силой» – изрядно портил кровь большевикам с первых же дней их правления Россией. Во всех, без исключения, окраинных землях вдруг обнаружили местные национальные демократы, которые тотчас объявили *urbi et orbi* о своем желании строить национальные независимые государства, свободные от власти Петрограда (позже – Москвы). Пришлось большевикам подойти к делу диалектически – то есть под «нацией» решено было понимать лишь ее передовую часть, пролетариат, всех же остальных скопом национальной самоидентификации лишать.

Такой новаторский подход сыграл определенную положительную роль – но лишь на тех территориях бывшей Российской Империи, где в достаточном количестве имелся **русский** пролетариат. Его можно было использовать в качестве местной нации, живущей одним единственным желанием – немедленно воссоединится с первым в мире государством победившего пролетариата. И в нужный момент на помощь этой «местной нации» ввести соответствующий контингент Красной Армии – дабы сбылись чаяния и надежды лучших представителей бывших российских окраин.

В Польше же и Финляндии достаточного количества русского пролетариата не оказалось – а местные рабочие как-то подозрительно долго не восставали и не восставали против своей буржуазии. Попытка принести им свободу на штыках Красной Армии закончилась провалом – в Финляндии местных революционеров перебили немцы, в Польше Красную Армию встретили огнем ВСЕ поляки – и рабочие, и крестьяне, и буржуазные элементы.

К 1922-му году ситуация на бывшем пространстве Российской Империи более-менее выкристаллизовалась: кто смог – удрал (Польша, Финляндия, прибалтийские лимитрофы), кто не смог – стал советской республикой (Белоруссия, Украина, Закавказская Федерация, среднеазиатские «ханства»). Посему пришло время определиться с дальнейшей совместной жизнью.

* * *

В тезисах к 10 съезду РКП(б) (март 1921) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» говорилось: «... в обстановке капиталистического окружения ни одна советская республика, взятая в отдельности, не может считать себя обеспеченной от экономического истощения и военного разгрома со стороны мирового капитализма. Поэтому изолированное существование отдельных советских республик неустойчиво, непрочно ввиду угрозы их существованию».

со стороны капиталистических государств. Общие интересы обороны советских республик, с одной стороны, задача восстановления разрушенных войной производительных сил, с другой стороны, и необходимая продовольственная помощь нехлебным советским республикам со стороны хлебных, с третьей стороны, – повелительно диктует государственный союз отдельных советских республик».

Но «государственный союз» – это союз государств, то бишь – конфедерация. А такая музыка товарищу Сталину совсем не нравится. Товарищ Сталин планирует будущее совместное проживание советских республик в несколько ином формате. Он пишет в апреле 1922 года:

«1. Формально решения СНК, СТО и ВЦИК РСФСР необязательны для независимых республик, причем эти учреждения сплошь и рядом отменяют постановления центральных учреждений независимых республик, что вызывает протесты последних против «незаконных действий» центральных учреждений Москвы;

2. Вмешательство ЦК РКП в таких случаях происходит обычно после того, как центральные учреждения окраин уже дали свои декреты, отменяемые потом центральными учреждениями Москвы, что создает недоумение среди беспартийных и раздражение среди коммунистов;

3. За четыре года гражданской войны, когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать сре-

ди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных национал-независимцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство ЦК РКП как обман и лицемерие со стороны Москвы;

4. Мы переживаем такую полосу развития, когда форма, закон, конституция не могут быть игнорированы, когда молодое поколение коммунистов на окраинах игру в независимость отказываются понимать как игру, упорно требуя слова о независимости за чистую монету и также упорно требуя от нас проведения в жизнь буквы конституций независимых республик.... Если мы теперь же не постараемся приспособить форму взаимоотношений между центром и окраиной к **ФАКТИЧЕСКИМ** взаимоотношениям, в силу которых окраины во всем основном безусловно должны подчиняться центру, т. е. если мы теперь же не заменим формальную (фиктивную) независимость формальной же (и вместе с тем реальной) автономией, то через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик».

Проект, предложенный Сталиным в августе 1922 года, предусматривал вхождение Украины, Белоруссии и Закавказской Федерации в РСФСР **на правах автономий**, поэтому он был назван проектом «автономизации». Комиссия Оргбюро на заседании 23-24 сентября выступила за этот план; его поддержали ЦК КП(б) Азербайджана (секретарь – С.М.Киров) и Армении (С.Л. Лукашин). Первый секретарь

ЦК КП (б) Украины Д.З. Мануильский в письме Сталину от 4 сентября также поддерживал этот проект: «Образование на окраинах самостоятельных республик со своими ЦИК и Совнаркомом отвечало определенному этапу нашей революции, который было бы неточно называть «национальным этапом», но в период которого пролетарской диктатуре пришлось развязывать национальный вопрос... Изменение экономической политики внесло успокоение в деревню... Введение же автономии ... никакого серьезного национального движения в смысле оппозиции к этому курсу не вызовет, ибо почвы у украинской интеллигенции нет. Украинский мужик «национальным» вопросом не интересуется».

Большинство лидеров «национальных» компартий, таким образом, были на стороне Сталина – ибо никто из них **не был представителем коренного народа данной республики**, и им отнюдь не улыбалось рано или поздно «сдать власть» коммунистам с «местными» фамилиями – только по той простой причине, что они были «местными». Таким образом, проект «автономизации» имел весьма серьезных сторонников среди руководства РКП(б).

Ленин же предложил иной план: объединение Советских Республик в единый Союз на **равных правах**. После разговора с Лениным Сталин, Орджоникидзе, А.Мясников и Молотов подписали обращение «Всем членам и кандидатам в члены ЦК РКП(б)», где признали новый план, но с трансформацией ЦИК РСФСР в ЦИК СССР. Октябрьский 1922

года Пленум ЦК поддержал «проект 4-х». Ленин придавал, однако, принципиальное значение, чтобы «в союзном ЦИКе председательствовал по очереди: русский, украинец, грузин и т. д.» (из письма Л.Каменеву 6 октября). И в Договор об объединении советских республик вошла ленинская формулировка – союз равноправных советских республик с правом каждой из них на отделение.

Безнадежно больной Ленин (при поддержке Льва Давыдовича Троцкого) победил «молодых волков» из ЦК. В последний раз...

* * *

Сегодня, когда СССР уже стал прошлым – есть ли необходимость разбираться, в чем же был глубинный смысл «ленинского» и «сталинского» проектов будущего СССР?

Есть. Потому что именно этот момент и является ключевым для понимания всех дальнейших событий советской истории.

Проект Ленина-Троцкого – означал создание **открытого союза** равноправных советских республик – в который со временем могут приниматься все новые и новые члены; Советский Союз, по мысли вождя, создавался как **инструмент Мировой Революции** – в чем его всемерно поддерживал и Лев Давыдович. Ибо «право на свободное отделение» юридически может трактоваться и обратно – как «право на сво-

бодное присоединение»! Ленин сознательно делал будущее советское государство метастабильным, сознательно превращал его в НЕЗАВЕРШЕННОЕ государственное образование – ибо был уверен в окончательном торжестве мировой социалистической революции. Советский Союз как его видел Ленин (и заодно товарищ Троцкий) – был открытой системой, имеющей шанс на выживание лишь при условии своего постоянного расширения – за счет советских республик Германии и всей остальной Европы...

Сталинский же проект «автономизации» означал, что создается жестко структурированное **«закрытое общество» советских республик**, в котором существует единый центр, принимающий политические, экономические и социальные решения – и окраинные автономные образования, которые эти решения проводят в жизнь. Никаких новых членов (*равноправных членов*) в состав этого общества принимать не планировалось – иными словами, сталинский проект был проектом создания независимого суверенного государства, осуществляющего самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, опирающегося на собственные силы; тезис о «построении социализма в одной, отдельно взятой стране», взятый на вооружение Сталиным через год – означал лишь одно: РЕВОЛЮЦИЯ ЗАКОНЧИЛАСЬ! Ибо «время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время созидать; время разбрасывать камни, и время собирать камни»; и проект создания будущего Советского Союза как Рос-

сийской Советской Федеративной Социалистической Республики, в которую на правах автономий войдут все наличные советские республики национальных окраин – должен был, по мнению Сталина, быть первым камнем в фундаменте новой Российской Империи, на этот раз Советской.

Никаких серьезных полномочий властям автономий, по проекту Сталина-Орджоникидзе-Дзержинского, не передавалось, они являлись лишь исполнительным механизмом тех решений, которые будут приняты в Москве. И уж тем более – никакого права на отделение – упаси Господь! Даже открытое высказывание подобных еретических мыслей главами национальных образований товарищ Сталин почитал за государственное преступление – увы, его точка зрения тогда потерпела поражение.

Очень и очень временное...

* * *

Ситуация в партии и государстве к марту 1923 года складывалась довольно сложно – но все же динамика была положительной. Пришло время определиться, кто станет новым вождем – ибо здоровье Ленина стремительно ухудшалось. С марта 1923 года Ленин, не способный ни говорить, ни писать, был отстранен от политики – в апреле же состоялся XII съезд партии, принесший Сталину большой успех. Сталин предложил увеличить количественный состав ЦК,

чтобы усилить контроль над Политбюро, что позволило ему провести в состав ЦК своих сторонников. Слияние Рабкрина с ЦКК дало возможность Сталину опираться на партработников, которым он мог доверять. Съезд дал отпор тем, кто представлял НЭП как отступление от социализма, кто предлагал пойти в кабалу к Западу. В целом, это был первый съезд, на котором Сталин смог выступить в качестве Хозяина – хотя сей факт еще очень и очень многими в партии подвергался серьезным сомнениям...

И в первую очередь – Львом Давыдовичем Троцким.

* * *

Неистовый революционер, ниспровергатель всех и всяческих авторитетов, пламенный оратор и трибун, выдающийся организатор, создатель Красной Армии, марксист девятьсот девяносто девятой пробы – Лев Давыдович с Октябрьского переворота и до отхода Ленина от активной политики считался «вторым человеком» в партии и совершенно закономерно рассчитывал занять престол, как только он освободится. А как же! С 4 марта 1918 года он – председатель Высшего военного совета, с 13 марта – народный комиссар по военным и морским делам, а с созданием СССР – нарком по военным и морским делам Советского Союза, одновременно – председатель Реввоенсовета СССР. Руками Троцкого была создана Красная Армия, одержавшая победы над все-

ми врагами Советской власти, закрепившая власть большевиков над Россией.

Лев Давыдович не считал возможным опускаться до полумер, если вопрос стоял ребром. Вот, к примеру, один из его приказов: «врагам народа, агентам иностранного империализма и наемникам буржуазии пощады не будет... Назначенный мною начальник обороны железнодорожного пути Москва – Казань тов. Каменщиков распорядился о создании в Муроме, Арзамасе и Свияжске концентрационных лагерей, куда будут заключаться темные агитаторы, контрреволюционные офицеры, саботажники, паразиты и спекулянты, кроме тех, которые будут расстреливаться на месте преступления или приговариваться военно-революционным трибуналом к другим мерам».

Наркомвоенмор не останавливался перед расстрелами, казнями заложников; формировал для организации террора на завоеванных территориях национальные части, не связанные этнически с основным населением страны – русскими – из китайцев, венгров, латышей и прочих «интернационалистов», отличавшихся чрезвычайной жестокостью.

Троцкий победил в Гражданской войне – и теперь жаждал получить сполна заслуженную награду.

Но тяжело больной Ильич предвидел в этом вопросе определенные трудности для наркомвоенмора. Вернее, одну трудность. И имя этой «трудности» было – товарищ Сталин.

«Я думаю, что основным в вопросе устойчивости (*партии*

от раскола) с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение членов ЦК до 50, 100 человек. Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках **необъятную власть**, и я не уверен, сумеет ли он всегда **достаточно осторожно** пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как **доказала уже его борьба против ЦК** в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и **чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела**. Эти два качества **двух выдающихся вождей** современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно».

Вождь как в воду смотрел. Но проблема разногласий между Сталиным и Троцким вовсе не была проблемой личных взаимоотношений двух вождей революции. Вопрос стоял значительно шире – и большинство членов партии прекрасно понимало, что стоит за противостоянием Сталин – Троцкий.

* * *

«Куда идти тому, кто верит?

С кем встать, чье знамя подхватить?»

Троцкий и его сторонники – это теория и практика «перманентной революции», раздувание мирового пролетарского пожара всеми силами и средствами, не останавливаясь перед опасностью гибели в этом пожаре и собственно новорожденного Советского Союза. Троцкий – это трудовые армии, милитаризация труда, поголовная коллективизация. Наконец, Троцкий – это Мировая Революция в чистом, рафинированном виде; иными словами – РАЗРУШЕНИЕ МИРОВОГО ПОРЯДКА.

Троцкий – это российская КОММУНИСТИЧЕСКАЯ партия.

Сталин – это «построение социализма в одной, отдельно взятой стране». Это СОЗИДАНИЕ, концентрация всех сил на строительстве национального государства, на отказ (как тогда считалось – временный) от немедленного осуществления планов разжигания Мировой Революции – во имя сохранения и всемерного усиления Советского Союза.

Иными словами, **Сталин – это РОССИЙСКАЯ коммунистическая партия.**

И именно по этому водоразделу произойдет деление членов РКП(б) в судьбоносные дни января 1924 года, когда слу-

чится неизбежное – смерть вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ульянова-Ленина.

* * *

Здесь надо сделать небольшое отступление – крайне необходимое для тех, кто будет читать эту книгу дальше, а не захлопнет ее на шестьдесят пятой странице, зевнет и, выключив свет, сладко заснет.

Так вот, очень многие исследователи (особенно относящие себя к «русским националистам») любят вслед за фамилиями фигурантов политического процесса 20-30-х годов давать их настоящие фамилии. Дескать, Троцкий – это Бронштейн, Каменев – Розенгольц, Радек – Собельсон, Ярославский то, Зиновьев это. Одним словом – во всем виноваты евреи; дескать, «малый народ – творец революции», всемирный жидо-массонский заговор, ритуальное иудаистское убийство русского самодержца – и прочие страхи и ужасы, безотказно действующие на незрелые умы и позволяющие сионистам позиционировать русское национальное движение как однозначно антисемитское (со всеми вытекающими последствиями).

Да, евреи составляли неслабый процент среди членов РКП(б). На XI съезде партии, прошедшем в конце марта – начале апреля 1922 года, делегаты еврейской национальности в количественном отношении (77 человек, или 14,5 %) усту-

пали только русским (341 человек, или 65,3 %). Примерно такой же национальный расклад имел место и через год, на XII съезде (60,8 % русских и 11,3 % евреев).

Довольно большой была еврейская прослойка в командном и, особенно, в политическом составе Красной Армии. Наиболее крупными фигурами в Красной Армии в первой половине 20-х годов были: А.П.Розенгольц – начальник управления ВВС, Я.Аскольдов – начальник военно-инженерного управления, Б.Барский – начальник управления войск особого назначения, А. Любович – начальник управления связи, Я.Фишман – начальник военно-химического управления, И.Якир – начальник военно-учебных заведений, С.Белицкий – начальник оперативного управления генштаба, а также заместитель командующего Московским военным округом, а затем начальник политотдела того же округа в 1920–1924 г. Б.А. Бреслав.

Начальником Политуправления Красной Армии и членом РВС СССР, заместителем наркома обороны СССР с 1929 г. по июнь 1937 г. был Я.Б. Гамарник – армейский комиссар 1 ранга. Также в числе высших руководителей РККА были: А.Л.Шифрес – армейский комиссар II-го ранга – с 1926 г. начальник отдела печати Политуправления РККА, а с 1928 г. – начальник Военно-политической академии. С 1933 г. он – член Военного совета и начальник политуправления Кавказской Краснознаменной армии, а в 1934–1936 гг. – Северокавказского военного округа. Армей-

ский комиссар II-го ранга Л.Н.Аронштам был зам. командующего по политической части, начальником политуправления Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА); Б.М.Иппо – начальником Военно-политической академии им. Н.Г.Толмачева; М.М.Ланда – ответственным редактором газеты «Красная звезда» – центрального печатного органа НКО СССР. Армейский комиссар II-го ранга М.Славин служил начальником Управления военно-учебных заведений РККА, комкор Л.Я.Вайнер – числился в распоряжении Разведывательного управления РККА; комкор С.А.Туровский был заместителем командующего войсками Харьковского военного округа; комкор Б.М.Фельдман – начальником Управления по начальствующему составу РККА; комкор С.П.Урицкий – начальником Разведывательного Управления РККА.

Корпусной комиссар И.М.Гринберг был заместителем начальника политуправления Ленинградского военного округа, корпусной комиссар Н.И.Орлов – заместителем начальника политуправления Киевского военного округа, а М.Л.Хорош и Н.А.Савко были заместителями начальника политуправления Харьковского военного округа. Дивизионные комиссары М.П.Баргер, Ф.Д.Баузер, Г.Е.Писманик были, соответственно, заместителями начальников политического управления Приволжского, Среднеазиатского и Белорусского военных округов, а С.З.Рабинович – заместителем начальника Политуправления Балтийского флота.

Все это так.

Но есть пара характерных моментов, которые теорию об Октябрьской революции как о «еврейском заговоре» ставят под серьезное сомнение. А именно – во-первых, среди творцов Октябрьской революции и, особенно, среди деятелей Гражданской войны еще больше, чем евреев – было латышей. Но о них «русские националисты» предпочитают не упоминать (вернее, упоминают вскользь, как о рядовых исполнителях коварных еврейских замыслов, как о безликих «красных латышских стрелках») – а зря! Латыши в 20-30-е годы среди комсостава РККА составляли не меньший (если не больший!) процент, чем евреи. Во-вторых – во время драки за верховную власть среди наследников Ильича евреи Каменев и Зиновьев скооперировались не с евреем Троцким, а как раз наоборот – с грузином Сталиным. Иными словами, национальность того или иного деятеля особой роли в те дни не играла.

О чем это говорит?

О том, что ЛЮБАЯ революция (не важно, Французская буржуазная или Октябрьская в России) рекрутирует в свои ряды сторонников и единомышленников, невзирая на их национальность. Сколько среди членов Конвента 1792 года, проголосовавших за казнь короля, было нефранцузов? Почитайте Виктора Гюго, «Девяносто третий год» – и вы обнаружите там для себя много нового!

А среди деятелей Парижской Коммуны, – какой процент

был иностранцев? Генералы Домбровский и Врублевский, возглавлявшие войска коммунаров – не из Польши ли забрели до городу Парижу?

Зачем революции иностранцы? Причем ЛЮБОЙ РЕВОЛЮЦИИ?

Затем.

Иностранцы значительно легче идут на эскалацию насилия над теми социальными слоями «титულიной нации», которые противятся революционной власти – по той простой причине, что эти люди для них **чужие!** Иностранных революционеров не связывают с местными жителями никакие невидимые нити родства, дружбы, общей ментальности или воспоминаний о совместной жизни «до революции». Иностранцы «делают революцию» – и им нет нужды оглядываться на мнение соседей, родственников и друзей – за отсутствием таковых на революционируемой территории!

Именно поэтому среди большевиков так много было евреев, латышей, немцев, венгров и прочих инородцев – это были «революционные кадры»; важна была не их национальность, а их политические взгляды – и способность эти взгляды превращать в жизнь, невзирая ни на что.

Можно, конечно, тут же ткнуть автора в то обстоятельство, что среди врагов Сталина, которых ему пришлось со временем загнать в расстрельные подвалы, довольно много евреев – на что тут же автор может указать, что, помимо евреев Каменева, Зиновьева, Ярославского, Радека (которого,

правда, официально не расстреляли, а приговорили к десяти годам, а добились уже на зоне руками уголовников) – в эти же подвалы товарищ Сталин загнал и русских Бухарина, Томского, Рыкова. А среди верных соратников Великого Вождя и Учителя, кроме русских Молотова или Куйбышева, можно увидеть евреев Мехлиса и Кагановича.

Раздел между большевиками прошел не по национальному, а по политическому принципу – и этот тезис автор готов доказывать еще и еще раз, имея на руках неоспоримые факты и доводы.

* * *

А теперь вернемся к нашим баранам, вернее, к обстановке в партии и государстве осенью 1923 года.

Обстановка была сложной – не в последнюю очередь из-за болезни Ленина, которая, как все понимали, в ближайшее время приведет вождя к однозначному финалу. И поэтому в партии разгорелась нешуточная борьба за «ленинское наследство» – и в этой борьбе соображения теоретического плана (как товарищ имярек относился к идее Мировой Революции, приветствовал ли он НЭП, поддерживал ли форсированную коллективизацию и ускоренную индустриализацию или же проклинал сии измышления Льва Давыдовича и его присных) отходили на второй план. Тактической задачей для большинства «вождей» было – удержаться у власти;

о цене подобной тактики никто всерьез не думал.

Члены Политбюро ЦК РКП(б) в подавляющем большинстве жаждали Мировой Революции – за признаки начала которой они готовы были принять любой конфликт на классово-вой почве, произошедший в любой европейской стране.

Но, увы, в большинстве тех государств, где в начале двадцатых годов имело место коммунистическое брожение – местные власти расправились с ним довольно решительно и энергично. И посему здравый смысл победил – большинство членов Политбюро в нарастающем конфликте Сталин – Троцкий приняли сторону Иосифа Виссарионовича. Не потому, что Сталин был для них так уж хорош – а потому, что Троцкий в случае своего прихода к власти в партии и стране не только немедленно вверх бы Советский Союз в новый виток революции, рискуя во имя раздувания мирового пролетарского пожара спалить в нем дотла «первое в мире пролетарское государство» – но и не оставлял бы для Каменева, Зиновьева и их товарищей ни единого шанса на сохранение власти.

А сохранять было что!

Лев Борисович Каменев, например, на момент Двенадцатого съезда был членом Политбюро ЦК РКП(б), председателем Московского совета, заместителем председателя Совнаркома; Григорий же Евсеевич Зиновьев был председателем Петроградского Совета, председателем Исполкома Коминтерна. Вместе со Сталиным они образовали «тройку»

для противодействия Троцкому и фактически осуществляли власть в стране с декабря 1922 г. до смерти вождя мирового пролетариата.

Это был классический пример «дружбы против» – и Каменев, и Зиновьев были заядлыми сторонниками «мировой революции», такими же, как и Троцкий, – но бонапартизм последнего, его неумное желание сделаться вождем партии и государства подвигли Каменева и Зиновьева заключить союз со Сталиным, который, по их мнению, «вождизмом» особо не страдал, безропотно тянул свою лямку, был отличным аппаратным работником, соглашался на роль «одного из руководителей» – в отличие от наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета, который просто жаждал стать «номером один» в списке вождей Советской России.

Пробным камнем для проверки дееспособности означенной «тройки» стал вопрос о германской революции.

* * *

Германия проиграла свою войну – и получила от союзников сполна и с перебором.

Когда депутаты германского рейхстага увидели, что содержится в условиях мирного договора – в зале заседаний раздался стон и скрежет зубовой.

Рейхсканцлер Ф.Шейдеман заявил: «Пусть отсохнет рука, которая наложит на себя и на нас эти оковы», – и ушел в

отставку. Вместо него пост канцлера занял Г.Бауэр.

23 июня 1919 г. немецкий парламент большинством голосов высказался за подписание мирного договора на предложенных условиях. А уже 28 июня в зеркальном зале Большого Версальского дворца, где в 1871 г. было провозглашено создание Германской империи, министр иностранных дел Г.Мюллер и министр юстиции И.Белль поставили свои подписи под унижительным договором.

По Версальскому мирному договору территория Германии значительно уменьшалась. Германия должна была вернуть Франции захваченные у нее в 1871 г. Эльзас и Лотарингию с богатыми железорудными и калийными месторождениями. Франции были переданы в собственность также угольные шахты Саара, а сама Саарская область на 15 лет переходила под управление Лиги наций.

Вновь образованному в 1918 году польскому государству были переданы аннексированные в XVIII веке, во время разделов Речи Посполитой, провинции Познань и Западная Пруссия, ряд районов Восточной Пруссии и Померании, в основном заселенные поляками.

На основании результатов проведенных плебисцитов к Бельгии отошли округа Эйпен и Мальмеди, территория Морене, к Дании – Северный Шлезвиг. Чехословакии был передан Гульчинский округ.

Под управление Лиги наций перешла Мемельская область, а в 1923 г. Мемель оккупировала Литва.

В целом по Версальскому договору в результате передачи и плебисцитов Германия потеряла около 73 тысяч квадратных километров, или 13,5 %, прежней территории, на которой проживало 6,5 миллионов человек, или 10 % населения. На утраченные земли приходилось 75 % добычи железной руды и цинка, 20 % добычи угля и выплавки чугуна.

Германские колонии как подмандатные территории Лиги наций были розданы наиболее влиятельным участникам победившей коалиции. Англия и Франция разделили между собой Того и Камерун. Англии к тому же досталась Восточная Африка. Британским доминионам – Южно-Африканскому Союзу, Австралии и Новой Зеландии – достались Юго-Западная Африка, северо-восточные области Новой Гвинеи с прилегающим архипелагом и острова Самоа. Японии перешли Каролинские, Марианские и Маршалловы острова в Тихом океане, а также права Германии на Шаньдунском полуострове (аренда территории Цзяочжоу и др.). Бельгия получила часть Восточной Африки.

В счет возмещения ущерба, нанесенного войной, странам-победительницам в соответствии с Версальским договором позднее была определена сумма репараций с Германии в размере 132 миллиардов золотых марок. 20 миллиардов марок необходимо было внести в качестве аванса в течение ближайших двух лет. В счет оплаты репараций было конфисковано 5 тыс. паровозов, 150 тыс. вагонов, 140 тыс. молочных коров.

С целью ослабления военного потенциала Германии ее обязали сократить армию до 100 тыс. человек, из них офицеров – до 4 тыс. Всеобщая воинская повинность заменялась вольным наймом, распускался германский генеральный штаб, строго регламентировалось производство оружия. Германии запрещалось иметь тяжелую артиллерию, танки, подводные лодки, военную авиацию. Военно-морской флот (десять линкоров, пять линейных крейсеров, шесть легких крейсеров и пятьдесят эсминцев) переходил в собственность стран-победительниц.

Полностью демилитаризованной должна была стать Рейнская область.

Потери Германии по Версальскому договору были велики, однако не менее сокрушительными были утраты в результате военных действий и разрушения экономики; Убитыми на фронтах Германия потеряла 1800000 человек, а вместе с пленными и ранеными потери составили 7,5 миллионов человек. Общие затраты на ведение войны достигли 150 миллиардов марок, а ресурсы, накопленные за четыре года войны, не превысили 32–35 миллиарда марок.

Материальные ресурсы страны в результате непроизводительных расходов на войну резко истощились. Это относилось к запасам черных и цветных металлов, топливу, продуктам химической промышленности, средствам транспорта. Общий объем промышленного производства в 1918 г. снизился по сравнению с 1913 г. на 43 %, а национальное

богатство сократилось вдвое. В сельском хозяйстве валовые сборы овса уменьшились наполовину, пшеницы и картофеля – на 45 %, ржи – на 35 %. Уменьшилось количество скота, удобрений, сельскохозяйственных машин.

За годы войны резко ухудшилось социальное положение большинства населения. С 1916 г. многие немцы голодали, массовой стала безработица, уменьшилась реальная заработная плата, которая в 1918 г. по сравнению с 1900 г. составила 72 %. Производственный травматизм вырос на 50 %. Все это вызывало социальные волнения, революционную ситуацию, победу демократической революции в ноябре 1918 г., формирование Веймарской республики в соответствии с Конституцией, принятой 31 июля 1919 г.

В целом следует отметить, что экономика Германии в результате развязанной ею войны оказалась на грани краха, а то, что от нее осталось, стало легкой добычей стран-победительниц.

После окончания войны в Германии продолжался экономический кризис. Падало производство промышленной продукции, болезненно протекал процесс демилитаризации промышленности, значительно – вследствие обнищания населения – сократился внутренний рынок. Ситуацию усугубил развернувшийся в 1920–1921 гг. мировой экономический кризис.

Величайшим бедствием стала инфляция. Выпуск бумажных денег приобрел астрономические масштабы. Уже к на-

чалу 1920 г. количество находившихся в обращении бумажных денег возросло по сравнению с 1914 г. в 25 раз, и этот процесс не останавливался. Если в 1913 г. за один доллар давали 4 марки, то в 1920 г. – 65, в 1922 г. – 191, в январе 1923 г. – 4300, а в ноябре того же года – 8 миллиардов марок. Двадцать государственных типографий работали на полную мощность, печатая бумажные знаки. Это привело к тому, что деньги стали дешевле бумаги, на которой они были отпечатаны.

Покупательная способность денег резко снижалась. Так, в 1918 г. на одну марку в Берлине можно было приобрести 10 трамвайных билетов, в 1919 г. – уже 5, в 1921 – 1. В июле 1923 г. трамвайный билет стоил 1000 марок, в августе – 10 000, в сентябре – 600 000 марок, а в ноябре 1923 г. сумма превратилась в фантастическую – 150 млрд. марок. К концу года реальная покупательная способность населения составляла 15–17 % довоенного уровня. Осенью 1923 г. рост цен достиг 16 % в день, а заработная плата за 1923 г. увеличилась в миллиард раз. Дневная зарплата квалифицированного рабочего в Берлине в ноябре 1923 г. составляла 3 триллиона 38 миллиардов марок, однако ее не хватало даже на питание. Такую зарплату приходилось носить корзинами. Реальная заработная плата сократилась по сравнению с довоенным уровнем на 25 %. Германский народ впал в подлинную нищету – к тому же без всякого просвета в будущем.

Кроме того, оккупация Рура франко-бельгийскими вой-

сками в начале 1923 года подняла градус народного недовольства до максимума.

В общем, по мнению большевистских стратегов, Германия вполне созрела для социалистической революции. И эту революцию следовало незамедлительно «подтолкнуть» – для чего Политбюро ЦК РКП(б) начинает организационную подготовку данного мероприятия. В июле 1923 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) было обсуждено сообщение Карла Радека о революционной ситуации в Германии. В августе состоялось совещание Политбюро ЦК РКП(б) и руководства КППГ, на котором была принята потрясающая резолюция: в ней в порядок дня были поставлены «политическая подготовка трудящихся масс СССР к грядущим событиям», «мобилизация боевых сил республики», «экономическая помощь германским рабочим».

* * *

Троцкий неистово жаждет всенепременно устроить в Германии социалистическую революцию, которая, по его мнению, станет прологом общеевропейской. Он пишет: «Новый период открытых революционных боев за власть неизбежно выдвинет вопрос о государственных взаимоотношениях народов революционной Европы. Единственным программным решением этого вопроса являются Европейские Соединенные Штаты». Он страстно добивается начала германской

революции – ибо, являясь профессиональным революционером, ничего иного, кроме революций, он делать не умеет! И его поддерживает большинство членов Политбюро ЦК – по схожим причинам.

25 сентября 1923 года тогдашний председатель КПП Генрих Брандлер и «вожди» КПП рангом пониже – Эрнст Тельман и Клара Цеткин – встречаются со Сталиным, Троцким, Бухариным, Радеком и Зиновьевым. На встрече обсуждается вопрос, вступит ли Советская Германия после победы социалистической революции, устроенной КПП, в Союз Советских Социалистических Республик, который создан всего девять месяцев назад, или же стоит уже сразу создавать «Союз Советских Республик Европы» – чтобы потом не трагиться на смену вывесок.

Кроме того, Зиновьев докладывает делегации германских коммунистов, что «Центральный Комитет РКП(б) единогласно поддерживает проведение восстания в Германии. Теперь необходимо очень срочно подготовиться к войне, чтобы абсолютно поддержать немецкую революцию».

Троцкий, со своей стороны, как наркомвоенмор и председатель РВС, пообещал военную поддержку Красной Армии восставшему германскому пролетариату, однако ограниченную, и добавил: «Нападение на власть в Германии должно произойти со стороны немецкого рабочего класса».

На словах позицию Троцкого поддерживает все Политбюро – на заседании 4 октября 1923 года, на котором присут-

ствуют Сталин, Троцкий, Зиновьев, Бухарин, Молотов, обсуждается с членами ЦК РКП(б) даже дата начала германской революции!

Таковой назначено 9 ноября – именно эта дата зафиксирована «как день начала германской Октябрьской революции».

Кроме того, руководство РКП(б) получает письмо руководителя КПГ Гейнриха Брандлера, в котором он просит русское руководство откомандировать в Германию в качестве советников восстания Льва Троцкого и Карла Радека.

Зиновьев высказался против нелегальной отправки Троцкого в Германию, так как в случае возможного ареста международному авторитету Советского Союза был бы нанесен тяжелый урон. Карл Радек и три высокопоставленных партийных функционера из РКП(б) были назначены в качестве советников КПГ для революционных приготовлений. Еще две дюжины военных советников из Красной Армии были откомандированы в распоряжение руководства КПГ и направлены в Германию.

Кроме «организационной» помощи, в распоряжение руководства КПГ направляются неслабые финансовые средства – в течении сентября-октября «на нужды будущей революции» потрачено более двух миллионов золотых рублей.

По поручению Коминтерна КПГ создала военный, разведывательный и кадровый аппарат (МП), готовивший командиров для будущей германской Красной армии, во главе с «рейхслейтером» МП. Германия была поделена на 6 МП-

округов, во главе которых наряду с немецкими ответственными лицами стояли в качестве советников также советские «военспецы». Одновременно был создан и террористический аппарат (Т-группа), задачей которого было устранять шпионов и организовывать отдельные покушения для подготовки массового террора».

Яростные сторонники «мировой революции» в руководстве РКП(б) плотоядно потирают руки – германская революция, о которой они так долго мечтали, вот-вот состоится!

* * *

Товарищ Сталин решил не полагаться целиком на бодрые и оптимистичные рассказы Тельмана и Брандлера о двухстах пятидесяти тысячах боевиков, организованных в «коммунистические боевые дружины» (на которых в случае чего может рассчитывать КППГ) и о семидесяти тысячах винтовок, что запасены, по словам руководства германских коммунистов, ко дню X. Он решил послать в Германию своего человека – который доложил бы обстановку без ненужного украшения и лишнего пафоса. Да и к тому же имело смысл проконтролировать расходование финансовых средств германскими «братьями по классу» – ибо голый и босый в те дни Советский Союз не для того вложил два миллиона золотых рублей в германскую революцию, чтобы руководители КППГ тратили их не по назначению.

В Германию посылается немец из Прибалтики Вальдемар Розе, который должен участвовать в разработке коммунистического переворота в качестве уполномоченного РКП(б). Как только Розе приступил к конкретной подготовке к вооруженному восстанию, его одолели сомнения. Планы проведения конкретных военных действий и разработанная концепция доставки вооружений и боеприпасов показали Розе действительную картину подготовки к путчу. Он сообщил руководству РКП(б), что провал восстания он рассматривает как возможный, так как «единый фронт трудящихся в борьбе за власть со стойким противником отсутствует».

Иными словами, геноссе Брандлер попытался «втереть очки» товарищам из Политбюро, выдавая желаемое за действительное. Более того – в реальности ничего такого, о чем докладывали Политбюро германские товарищи, не было и в помине! Революционная ситуация, о которой они трубили в Москве – на поверку оказалась весьма и весьма зыбкой, рабочие Германии отнюдь не были готовы броситься по первому зову коммунистов на баррикады.

Вальдемар Розе доложил обо всем в Москву – и хотя 20 октября военная комиссия ЦК приняла план мобилизации Красной Армии для оказания помощи восставшему германскому пролетариату, все же в последний момент здравый смысл и холодный политический расчет оказались сильнее неистовой жажды мировой революции. СССР «за пять минут до полуночи» отказался от военной поддержки этого са-

мого «восставшего германского пролетариата».

По той простой причине, что германский пролетариат и не думал восставать.

* * *

21 октября 1923 года руководство КПГ на состоявшейся конференции производственных советов в городе Хемнитце попыталось призвать трудящихся Германии к всеобщей забастовке – над коммунистами только посмеялись, ни один из серьезных рабочих руководителей их не поддержал.

Это не удивительно – германские рабочие были осведомлены о политических процессах над левыми эсерами (такими же социалистами, как большинство из них), недавно прошедшими в Советской России. «Сообщение о контрреволюционной и террористической деятельности партии социалистов-революционеров» появилось от имени ГПУ и с санкции Политбюро ЦК РКП(б) 28 февраля 1922 года и было распространено за рубежом – в результате чего появился крайне нежелательный международный резонанс. С середины марта и до начала апреля 1922 года своё возмущение действиями большевистской власти высказали 14 зарубежных социалистических партий, 10 рабочих организаций и профсоюзных объединений, Второй, Венский и Амстердамский Интернационалы, Лига в защиту прав и свобод человека, видные деятели международного социалистического и рабочего движе-

ния – Э. Бернштейн, К. Каутский, Ф. Туратти, А. Гендерсон, французский писатель А. Франс. Тем не менее – 7 августа 1922 года Верховный трибунал приговорил 12 из 22 представших перед судом эсеров к расстрелу.

Так что нежелание германских рабочих выходить на баррикады ради победы большевизма в немецком исполнении можно понять.

* * *

Через пять дней после провала в Хемнитце военное руководство в берлинском отделении КПГ решило свернуть подготовку к восстанию – берлинские рабочие в подавляющем большинстве отказались от попытки вооруженного свержения власти. Еще через два дня в Гамбурге все же состоялась военная акция коммунистов, которую возглавил Эрнст Тельман. Однако он не смог организовать широкую мобилизацию рабочих, и они не стали следовать призывам к всеобщей забастовке, что позволило военным легко и быстро подавить локальный коммунистический мятеж. 8 ноября 1923 года в Мюнхене была предпринята очередная бесплодная попытка военного восстания против правительства Веймарской республики; в этот же день и там же произошел «пивной путч» Адольфа Гитлера – поэтому вечером 8 ноября в Берлине, после получения известия о мюнхенских событиях, вся полнота исполнительной власти была передана президентом и пра-

вительством Германии командующему рейхсвером генералу фон Секту.

Германская коммунистическая революция закончилась одним грандиозным пшиком!

* * *

Товарищ Троцкий рвал и метал. Товарищ Троцкий бешовался и проклинал всех: германских коммунистов и рабочих, своих товарищей в Политбюро и командование Красной Армией, Господа Бога и дьявола из преисподней – ибо виноваты были все. Товарищ Троцкий жаждал найти виновных и показательно их выпороть – товарищу Троцкому крах германской революции казался крахом его собственной политической карьеры.

Так оно и было на самом деле.

Но поймет это товарищ Троцкий не сейчас. Сейчас он пока что мечет громы и молнии: «Почему германская революция не привела к победе? Причины тому целиком в тактике, а не в объективных условиях. Мы имеем тут поистине классический пример упущенной революционной ситуации. С момента Рурской оккупации, а тем более с момента, когда обозначился провал пассивного сопротивления, необходим был со стороны коммунистической партии твердый и решительный курс на завоевание власти. Только мужественный поворот тактики мог объединить германский пролета-

риат в борьбе за власть. КПГ проделала этот поворот неуверенно и поздно, фаталистически отнесясь к процессу развития революции. В то время как вся обстановка требовала со стороны партии решающего удара, партия не организовывала революцию, а дожидалась ее. «Революция не делается в срок», – отвечали и правые, и левые, смешивая революцию в целом с определенным ее этапом, то есть с восстанием для захвата власти. Даже буржуазные революции далеко не во всех своих этапах развивались по «естественным» законам либеральной кафедры: когда мелкобуржуазная, плебейская демократия низвергала либерализм, она это делала путем заговора и подготовки восстания, приуроченного заранее к известному сроку. Так поступили якобинцы – крайнее левое крыло французской революции. КПГ проиграла потому, что она не пошла по якобинскому пути: не низвергла либерализм, то есть находившуюся в Германии у власти социал-демократию, посредством «заговора и восстания». Конец цитаты.

Лев Давыдович объясняет причины неудачи «немецкого Октября» («великого поражения») и указывает на виновников. Товарищ Троцкий утверждает, что «в Германии политика партии толкнула шар в сторону поражения». Себя же он относит к той части высшего политического руководства, которая с «пораженческими настроениями» (И. Сталина, Г. Зиновьева) была не согласна. «Исключительная и беспримерная революционная ситуация сошла на нет, потому что

политика не получила в необходимый момент необходимого продолжения другими, т. е. вооруженными средствами».

Товарищ Троцкий не видел ничего предосудительного в том, чтобы ради победы германской пролетарской революции начать вторую советско-польскую, советско-германскую, и какие еще получатся – новые войны. Товарищ Троцкий не считал таким уж грехом угробить в этой войне новорожденный Советский Союз – ибо государство это он видел лишь как запал Мировой Революции, как источник ресурсов для всемирного пролетарского восстания. Товарищу Троцкому было глубоко наплевать на судьбу Советской России.

Зато другим товарищам в Политбюро было на эту судьбу совсем не наплевать.

* * *

Товарищ Сталин провал любовно лелеемой большинством членов Политбюро германской коммунистической революции предвидел – и посему на крайние меры в период ее подготовки не пошел.

Да и какие, к чертям собачьим, крайние меры?

Ведь только-только жить начали! Только недавно закончилась денежная реформа – в конце ноября 1922 года была выпущена в обращение новая советская валюта – «червонец», приравненный к 7,74 г чистого золота, или к дореволюционной золотой десятирублевой монете. Страна толь-

ко-только начала привыкать к нормальным деньгам – а не к миллионам, которые еще недавно были в обращении (один рубль «совзнаками», которые, в свою очередь, заменялись червонцами, стоил миллион рублей 1921 года). Только-только начала налаживаться нормальная торговля (хотя осенью 1923 года в стране разразился так называемый «кризис сбыта», когда был собран хороший урожай, но крестьяне не торопились сдавать хлеб по низким ценам, поскольку они не компенсировали затраты на производство. Крестьяне не могли купить необходимые промышленные товары, которыми были забиты все склады и магазины. Деревня стала задерживать сдачу хлеба по продналогу, кое-где по стране прокатились массовые крестьянские восстания). Ситуация все еще продолжает балансировать на грани срыва экономики и штопор.

А тут на тебе – опять снимай последнюю рубашку ради победы немецкого пролетариата! Опять начинай войну, которую только что закончили! Да и чем воевать?

Красная Армия только что завершила послевоенную демобилизацию, в 1922 году началась крупная перестройка РККА. Во всех стрелковых дивизиях упразднились бригады. Теперь дивизии внутренних округов состояли каждая из трех стрелковых полков, дивизионной школы младших командиров и различных подразделений с вдвое уменьшенной численностью бойцов. Новый шаг был сделан в 1923 году, когда утвердили единый штат стрелковой дивизии (15300

человек, 156 пулеметов, 24 орудия), а также ввели в РККА стрелковые корпуса как высшие тактические соединения сухопутных войск. Параллельно шла массовая демобилизация. При расформировании соединения сливались. Бригада преобразовывалась в полк, а полки – в батальоны.

Одновременно продолжается сокращение армии. С пяти с половиной миллионов штыков и сабель в декабре 1920 года РККА сократилась к 1 октября 1923 года до 516 тысяч человек – более чем в десять раз! В ключевом, главном для СССР Московском военном округе, охватывавшем 16 губерний Центральной России, дислоцировалось в 1922 году всего шесть стрелковых дивизий (не считая частей Московского гарнизона, но у них и тогда, и сейчас – совсем другие, *невоенные*, цели). Кроме того, две отдельные стрелковые бригады, авиаотряды, бронечасты, артиллерийские, инженерные, связи и другие отдельные части, а также специальные учреждения и разнообразные склады. Шесть стрелковых дивизий на всю Центральную Россию! А воевать Польшу и Германию собрались!

* * *

Кроме того, армия переходит на территориально-милиционно-кадровую систему – в пик у командующему Западным фронтом и начальнику Штаба РККА товарищу Тухачевскому. Последний в своих выступлениях ратовал за

«небольшую боеспособную армию, в случае войны быстро комплектуемую классово близким элементом завоеванных стран». Заметьте – товарищ Тухачевский считал русское крестьянство политически крайне ненадежным и его службу в Красной Армии – нежелательной. Красная Армия, по его утверждениям, должна была представлять из себя «меч пролетарской революции». Создаваемая же территориально-милиционная система представляла собой вещь как раз противоположную – ибо такая армия для иноземных завоеваний никак не годилась, а вот для обороны территории Отечества – годилась, и еще как!

Но оборонять Отечество товарищ Тухачевский не планировал. Товарищ Тухачевский планировал «раздуть пожар мировой революции», снова начав с Польши. Для чего в советско-польском приграничье по его инициативе началась диверсионно-террористическая война....

* * *

История этой недолгой, но достаточно кровавой войны малоизвестна широким кругам общественности – а жаль.

После заключения в марте 1921 года Рижского мирного договора, завершившего Советско-польскую войну, Разведупр Штаба РККА начал переброску на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, отошедших к Речи Посполитой, вооруженных групп (о чем товарищ Тухачев-

ский был прекрасно осведомлен и в какой-то акции сыграл не последнюю партию). Основная их задача заключалась в организации массового сопротивления польским властям. Предполагалось, что проникшие в восточные воеводства Польши отряды станут ядром мощного партизанского движения на белорусских и украинских землях. В результате они будут отторгнуты под каким-либо удобным предлогом от Польши.

Столь специфической для мирного времени работой, получившей наименование «активная разведка», занималось Разведупр Штаба РККА. С его помощью сколачивались «повстанческие группы», им же они вооружались, Разведупр подбирал для «партизан» надежный командный состав; Разведупром был налажен скрытый переход сформированных и сколоченных «повстанческих отрядов» через границу на польскую территорию. А там уже начинались активные боевые действия: нападения на полицейские посты, пассажирские поезда, польские помещичьи усадьбы, налеты на почтовые отделения и банки для получения средств на «партизанское движение».

Логика действий товарища Тухачевского понятна – ему польская шляхта начистила ряшку под Варшавой, и ему горело этой шляхте отомстить. А возможностей для мщения у него, второго человека в РККА, ой как хватало!

Но начинать войну с Польшей с последующим вторжением в Германию из-за маловероятного восстания немецкого пролетариата и амбиций товарища Тухачевского... Увольте,

но это перебор!

* * *

Товарищ Сталин понимает, что очевидные (для него и его единомышленников) причины провала германской коммунистической революции – отнюдь не для всех очевидны. И он пишет, что большевистский переворот в России произошел удачно лишь результате своеобразия внутренних и внешних условий Октябрьской революции – тех условий, которых не было в наличии в Германии: «Об этом своеобразии нельзя забывать ни на минуту. О нем особенно следует помнить при анализе германских событий осенью 1923 года. О нем прежде всего должен помнить т. Троцкий, огульно проводящий аналогию между Октябрьской революцией и революцией в Германии и безудержно бичующий германскую компартию за ее действительные и мнимые ошибки».

Между прочим, Троцкий на самом деле настаивал не столько на аналогии между Октябрем 1917 г. в России и ноябрем 1923 г. в Германии, сколько на ленинском взгляде, что революции *делаются*, а не *совершаются*. Сталинский же упрек был призван подготовить кардинальный разгром концепции перманентной революции Троцкого. Ибо после поражения коммунистического путча в Германии Сталин окончательно плюнул на перспективы мировой революции; отныне он решил ориентироваться на государственные интересы

Советской России. Он еще раз убедился на примере Германии, что всякие революции только тогда хороши и успешны, когда делаются русскими рабочими – все прочие неизбежно ведут к провалу.

Но была одна серьезная трудность – взгляды Троцкого на генезис пролетарской революции по большинству пунктов совпадали со взглядами Ленина. И самое скверное – они совпадали в вопросе невозможности построения социализма в России без социалистической революции на Западе.

А Ленин – создатель Советского государства. То бишь персона, приравненная в глазах всех большевиков Советского Союза и их единомышленников, к отцам церкви, если не к самому Создателю – все его высказывания священны и обсуждаться (а тем паче – подвергаться сомнению) не могут по определению.

Так что товарищу Сталину пришлось нелегко. Ибо Лев Давыдович в своем видении будущего Советского Союза был куда ближе к ленинским идеям, нежели товарищ Сталин. И последнему пришлось изрядно попотеть, чтобы под свою все возрастающую власть в партии подвести теоретическую основу, построенную на ленинских изысканиях в области теории социалистического преобразования мира.

Лишь в одной своей работе Ильич однажды заикнулся о «возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране». Непонятно, какую страну он имел в виду – но товарищ Сталин принял решение считать доказанным, что

ленинские слова были о России.

Теоретическая база была, конечно, более чем хлипкая – но что делать? Никаких иных работ по этому вопросу Владимир Ильич не оставил – во всех остальных он все больше о Мировой Революции распрягался, каковые его взгляды сейчас были совсем не ко двору.

* * *

Уже в брошюре «Об основах ленинизма» Сталин обрушился на концепцию перманентной революции Троцкого, противопоставив ей свою, наскоро сляпанную вышеупомянутую доктрину: «Раньше считали победу революции в одной стране невозможной, полагая, что для победы над буржуазией необходимо совместное выступление пролетариев всех передовых стран или, во всяком случае, большинства таких стран. Теперь эта точка зрения уже не соответствует действительности. Теперь нужно исходить из возможности такой победы, ибо неравномерный и скачкообразный характер развития различных капиталистических стран в обстановке империализма, развитие катастрофических противоречий внутри империализма, ведущих к неизбежным войнам, рост революционного движения во всех странах мира – все это ведет не только к возможности, но и к необходимости победы пролетариата в отдельных странах. История революции в России является прямым тому доказательством».

При этом Сталин, чтобы завуалировать разрыв с классической марксистской теорией революции, которой придерживались Ленин и Троцкий, тут же делает реверанс в сторону так любимой Ильичем мировой революции: «Но свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране – еще не значит обеспечить полную победу социализма. Упрочив свою власть и поведя за собой крестьянство, пролетариат победившей страны может и должен построить социалистическое общество. Но значит ли это, что он тем самым достигнет полной, окончательной победы социализма, то есть значит ли это, что он может силами лишь одной страны закрепить окончательно социализм и вполне гарантировать страну от интервенции, а значит, и от реставрации? Нет, не значит. Для этого необходима победа революции по крайней мере в нескольких странах. Поэтому развитие и поддержка революции в других странах является существенной задачей победившей революции. Поэтому революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодевлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата в других странах». Иосиф Виссарионович пока не может наотмашь разрубить гордиев узел ленинского наследия – поэтому вынужден пока что писать о грядущей «победе пролетариата в других странах» как цели существования СССР. Иначе нельзя! Иначе его не поймет партийная масса – ведь большинство и рядовых членов, и тем более руководителей РКП(б) все еще грезят мировым

пролетарским пожаром, в котором непременно сгорят проклятые буржуи. Нельзя лишать детишек любимых игрушек, неэтично это как-то. Да и чревато непониманием – с соответствующими оргвыводами. . .

Вождь революции (будь он дееспособен) разбил бы теоретизирования товарища Сталина в пух и прах. Писал же он в статье «Прощальное письмо к швейцарским рабочим (8 апреля 1917)»: «Не наше нетерпение, не наши желания, а *объективные условия*, созданные империалистской войной, завели *все* человечество в тупик, поставили его перед дилеммой: или дать погибнуть еще миллионам людей и разрушить до конца европейскую культуру, или передать власть во *всех* цивилизованных странах в руки революционного пролетариата, осуществить социалистический переворот. Русскому пролетариату выпала на долю великая честь *начать* ряд революций, с объективной неизбежностью порождаемых империалистской войной. Но нам абсолютно чужда мысль считать русский пролетариат избранным революционным пролетариатом среди рабочих других стран. Мы прекрасно знаем, что пролетариат России *менее* организован, подготовлен и сознателен, чем рабочие других стран. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России *на известное, может быть очень короткое*, время застрельщиком революционного пролетариата всего мира».

Вождь пребывал в агонии, и посему в его уста можно бы-

ло вкладывать любые вырванные из контекста теоретические положения – ему теперь было не до дискуссий, и вывести на чистую воду он уже никого не мог. Не совсем прилично, конечно, перевернуть безнадежно больного – но кто сказал, что политика вообще приличное дело?

* * *

21 января 1924 года случилось неизбежное – умер вождь мирового пролетариата, создатель Советского государства, Владимир Ильич Ленин. Теперь Сталин и Троцкий, вожди партии и государства де-факто, должны были стать таковыми де-юре – вернее, должен был стать вождем лишь один из них. Вторым неизбежно становился аутсайдером – ибо двум медведям, как известно, в одной берлоге не ужиться.

И дело не в личных качествах этих вождей – как уже было сказано выше. Дело в выборе пути, по которому в дальнейшем пойдет строительство Советского Союза – и пути эти у обоих фигурантов политического процесса были диаметрально противоположными.

* * *

Троцкий был однозначно сильнее Сталина в теории марксизма. Троцкий был руководителем Октябрьского перево-

рота и создателем Красной Армии. Троцкий был в авторитете за рубежами Советской России – к нему прислушивались главари коммунистических партий в Европе, Америке, Азии.

Но Троцкий, во многом в силу личных своих человеческих качеств, так и не смог создать партию своих сторонников внутри СССР! Среди членов ЦК его поддерживали единицы, причем люди эти ни на что серьезно влиять не могли – типа Карла Радека, журналиста, члена Исполкома Коминтерна, и подобных ему бывших «левых коммунистов», в силу малозначительности занимаемых постов не боящихся их потерять. Троцкий не стремился вести планомерную работу по выявлению и поддержке своих сторонников внутри партии – он самонадеянно полагал, что «настоящие» коммунисты все равно будут за него в силу его яростного марксизма.

Товарищ же Сталин поступал с точностью до наоборот – он любовно, вдумчиво, тщательно подбирал себе сторонников и расставлял их на ключевых постах в партии и государстве. Товарищу Сталину было до лампочки, насколько функционер имярек силен в марксизме; товарищу Сталину было важно, насколько оный функционер предан лично ему, товарищу Сталину. И в грядущей битве за трон Советской России эта работа принесла товарищу Сталину свои плоды.

Например, товарищ Куйбышев – в прошлом, между прочим, тоже «левый коммунист» и сторонник товарища Троцкого в вопросе Брестского мира. Но Валериан Владимиро-

вич вовремя осознал и проникся, вовремя встал под нужные знамена – в результате в судьбоносный период 1922-1923 гг. он – секретарь ЦК РКП(б), член Оргбюро ЦК, председатель Центральной Контрольной Комиссии РКП(б) («партийного контроля», то бишь, органа, обладающего серьезной властью в партии и делающего его главу очень и очень влиятельным человеком).

Опять же, товарища Сталина поддерживают члены Политбюро и ЦК – Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Сокольников, Уншлихт, Фрунзе, Калинин, Молотов – что серьезно укрепляет его положение.

* * *

Но у товарища Троцкого в рукаве мог бы к началу «дискуссии» со сторонниками Сталина оказаться непобиваемый козырный туз – поддержка армии.

Мог бы. Но не оказался – опять же, по причине неистребимой самовлюбленности и самоуверенности товарища Троцкого, переходящих в навязчивую идею собственной чуть ли не богоизбранности. РККА была делом его рук – но он, хотя и расставлял на ключевых постах в армии своих людей, делал это бессистемно и хаотично; хуже того, товарища Троцкого даже им поставленные на должности красные командиры не любили, не доверяли, а зачастую – просто боялись. Ибо слишком скор был на расправу Лев Давыдович – а вот

на поддержку нужных ему в будущем людей был до обидного скромен. И среди комсостава Красной Армии яростных и бескомпромиссных его сторонников оказалось – раз-два и обчелся.

Тем не менее, Троцкий – наркомвоенмор, то бишь человек, руководящий РККА, в чьих руках управление всеми военными округами, всеми дивизиями и бригадами. И товарищ Сталин понимал, что в самый крайний случай (буде припрет к тому нужда) стоит Льву Давыдовичу кликнуть клич молодецкий – и в Москву на рысях ворвется, к примеру, 10-я Майкопская кавалерийская дивизия – и порубает его врагов в мелкую капусту!

Посему именно для того, чтобы у товарища Троцкого не было соблазна такой клич (в самый острый момент) кликнуть – в Красной Армии и существовал институт комиссаров, которые были номенклатурой партийного руководства и отбирались – догадайтесь кем?

Иными словами, мало того, что товарищ Троцкий своими действиями в отношении комсостава РККА создал себе скверную репутацию – так еще и на тех командиров, которые были преданы ему душой и сердцем, положиться он мог не вполне. Ибо сидели возле ЕГО командиров комиссары, назначенные оппонирующей стороной – и использовать РККА во внутривойсковых разборках ему ни при каких условиях не светило.

А наверняка хотелось!

* * *

Впрочем, определенные шаги по привлечению на свою сторону высшего комсостава товарищ Троцкий все же принял.

17 апреля 1924 года Председатель РВС СССР и Наркомвоенмор возвратился в Москву из длительного отпуска. 7 мая он выступил в Военной Академии РККА с докладом «Наши военные задачи», в котором много говорил об «уставе гражданской войны» и реорганизации армии – и, что характерно, в ключе, донельзя положительном для помощника начальника ГШ РККА товарища Тухачевского.

Надо сказать, что ранее Лев Давыдович Комзапфронта не жаловал и яростно критиковал Михаила Николаевича и его единомышленников в 1921-1922 гг. за взгляды по вопросу как раз «революционной войны». Теперь же товарищ Троцкий вдруг заявил о принятии теории «революционной», «гражданской войны» и заявил о необходимости разработки соответствующего «Устава». Это, вне всякого сомнения, был реверанс в сторону М. Тухачевского и его любимого детища – более того, это был хитроумный ход для привлечения на свою сторону наиболее влиятельных руководителей Красной Армии – а для этого не следовало жалеть елдя!

В частности, рассуждая об организации и реорганизации армии, Л. Троцкий сослался на опыт М. Тухачевского 1918

года, при создании и боевой подготовке 1-й революционной армии, признавая его положительным. В устах «вождя Красной Армии» упоминание М. Тухачевского в таком контексте, несомненно, имело политическое звучание: М. Тухачевский как организатор вооруженной силы – это образец.

* * *

Товарищ Троцкий задумал далеко идущую интригу – используя трибуну Военно-Научного общества, затеять теоретический спор о сущности революционной войны, дабы затем вывести этот спор на крайне животрепещущую тему: кто виноват в провале германской пролетарской революции и кто персонально из советских руководителей за этот провал ответит.

Интрига, в общем и целом, с весьма далеко идущими последствиями!

С этим надо было срочно что-то делать. Посему удар по Троцкому, как наркомвоенмору, первым нанёс товарищ Сталин – в январе 1924 г. ЦК назначил специальную комиссию под председательством С.И. Гусева в составе М.В. Фрунзе, К.Е. Ворошилова, Г.К. Орджоникидзе, Н.М. Шверника и других для всестороннего обследования состояния Красной Армии. После нескольких месяцев работы комиссия сделала неутешительный вывод. «Красной Армии, – говорилось в докладе комиссии, – как организованной, обученной, по-

литически воспитанной и обеспеченной мобилизационными запасами силы, у нас в настоящее время нет. В настоящем своем виде Красная Армия небоеспособна».

В ответ на это, 29 июля 1924 г. на заседании правления ВНО при Военной академии РККА Л. Д. Троцкий выступил с большим докладом на тему: «Вопросы гражданской войны» – в котором о гражданской войне говорилось мельком, в основном же товарищ Троцкий напирал в своём выступлении на проблемы «текущего момента» – а именно, кто виноват в провале германской революции и кого за этот провал имеет смысл снять с должности генсека партии.

В своём следующем выступлении – по поводу «Устава гражданской войны» – товарищ Троцкий вернулся к революционным событиям в Германии в 1923 г. – ему обязательно нужно было объяснить высшему комсоставу РККА, кто на самом деле был виноват в провале германской революции – и с кого следует строго за это спросить.

Товарищ Троцкий докладывает краскомам: «Мы должны уметь сочетать навязанную нам оборонительную войну Красной Армии с гражданской войной в стане наших врагов. В этом смысле устав гражданской войны должен стать одним из необходимых элементов военно-революционной учебы высшего типа». То есть теперь товарищ Троцкий – целиком и полностью сторонник идей товарища Тухачевского, более того, теперь он – их апологет.

Посему Лев Давыдович, как наркомвоенмор, принимает

решение: стратегическую концепцию Тухачевского принять за основу стратегии Красной Армии. И вскоре после этого выступления Троцкого на заседании правления ВНО, 13 августа 1924 г. приказом РВС СССР М. Тухачевский назначается Главным руководителем всех военных академий по стратегии. Отныне именно «стратегическая доктрина Тухачевского» и становится, по сути дела, официальной для Красной Армии.

Тухачевский в адрес Троцкого, конечно, тут же раскланивается: «В 1922 году мы имели в ВНО новую большую дискуссию о применении марксизма к военному делу, но ряды на этот раз перепутались, а самая дискуссия заглохла, не будучи доведенной до конца. Тов. Троцкий выступил, между прочим, с критикой легкомысленного применения марксизма к основам военного дела. Надо сказать, что это здоровое начинание имело и печальные последствия: дискуссия, не будучи доведенной до конца, создала впечатление, что теория марксизма вообще неуместна в военно-научных вопросах. Сейчас новые работы ВНО, начатые по инициативе тов. Троцкого, кладут конец этим сомнениям». Но камень за пазухой все же держит – ибо всем высшим военным руководителям памятно, что именно Л. Д. Троцкий тогда отвергал идею применения марксизма к военному делу, на которой выстраивал свою теорию М. Тухачевский.

Теперь, в преддверии решающей битвы за власть, Тухачевский поневоле выставляет Троцкого как «предводителя»

сторонников «революционной войны» (применения марксизма к военному делу) – ему неясно, чем закончится грызня в Политбюро, и на всякий случай он несколько дистанцируется от Льва Давыдовича. Ему это не очень удается – 25 августа 1924 года Троцкий (при вынужденной поддержке М. Тухачевского как автора теории применения марксизма к военному делу) принимает решение о созыве 1-го съезда ВНО, запланированного на 15 ноября 1924 года. Главным предметом обсуждения решено поставить вопрос об «Уставе гражданской войны». Для чего?

Троцкий, явно стремясь опереться на поддержку М. Тухачевского, известного апологета «революционной войны», считает необходимым развернуть политическую критику И. Сталина и Г. Зиновьева как главных виновников поражения «германского Октября» из-за их неумения организовать «революцию». Именно этот вопрос на самом деле является основой «Устава гражданской войны». Характерен подбор основных докладчиков на предстоящем съезде ВНО: Л. Троцкий, М. Тухачевский, Н. Муралов. К стану противников Сталина в армии склоняется и командующий Вооруженными силами Украины и Крыма А. Егоров – положительно высказываясь о намеченном съезде ВНО.

* * *

Лев Давыдович лихорадочно укрепляет свои позиции в

армии. 18 июля 1924 г. М. Тухачевский назначается заместителем начальника Штаба РККА и в тот же день – исполняющим обязанности начальника Штаба РККА. Хотя сам начальник Штаба – М.В. Фрунзе – в Москве и пока никуда уезжать не собирается.

Это назначение – очевидный признак политического «заигрывания» Л. Троцкого с М. Тухачевским в стремлении перетянуть того на свою сторону в последней попытке выиграть «бой» за Красную Армию. Одновременно с этим происходит ряд кадровых перемещений в войсках. А. Павлов назначен помощником командующего Западным военным округом (5.6.1924), П. Шарангович – помощником начальника штаба Западного военного округа (7.7.1924), Э. Вилумсон – помощником начальника снабжения Западного военного округа, С. Вострецов – командиром 27-й стрелковой дивизии (10.7.1924). В эти же дни под предлогом «польской опасности» происходит развертывание 7-й кавалерийской дивизии Г. Гая в 3-й кавалерийский корпус под его же командованием; в качестве начальника штаба ему назначается ярый троцкист С. Верховский.

Все это означало укрепление Западного военного округа бывшими близкими соратниками Тухачевского – «ветеранами» 27-й дивизии, 5-й армии и Западного фронта – и укрепление позиций Михаила Николаевича в РККА. В контексте этой же военной политики, очевидно, следует рассматривать и временную «отставку» И. Уборевича в июне 1924 года (как

«сталинской креатуры»), и назначение новых командующих ВВС: в МВО – И. Павлова, в УВО – Ф. Ингауниса.

Ответственным за подготовку кавалерии товарищ Троцкий выдвинул не инспектора этого рода войск С. Буденного, а военспеца В. Селицкого, опять же – креатуру Михаила Николаевича.

Товарищ Троцкий значительно повысил должностной статус М. Тухачевского. Он становится теперь фактическим начальником Штаба РККА. Его позиции укрепились также включением в номенклатуру военной элиты А. Павлова, что усилило влияние М. Тухачевского в Западном военном округе.

Пришло время товарищу Тухачевскому рассчитывать по вексям – пора начинать Совещание Военно-научного общества, на котором ребром поставить вопрос о виновных в провале Германской революции. Виновные эти товарищем Троцким уже назначены – Сталин, Зиновьев, Каменев; от товарищей Тухачевского и Муралова требуется одно – перед военной аудиторией гневно ткнуть пальцем в негодаев и потребовать их смещения с политического Олимпа.

Дело несложное. Но хлопотное – ибо товарищ Тухачевский не слепой, товарищ Тухачевский видит, куда клонит Лев Давыдович. И товарищ Тухачевский совсем не уверен, что заседание ВНО, построенное в нужном для Льва Давыдовича ключе, непременно приведет того к желанному трону.

* * *

Посему товарищ Тухачевский решает отойти в сторону – несмотря на все авансы, выданные ему Троцким. Михаил Николаевич уверен, что заседание ВНО с разгромными (для Сталина и Ко) целями как воздух необходимо Троцкому – но товарищ Тухачевский совсем не уверен, что это заседание необходимо ЕМУ. И в начале сентября 1924 г. М. Тухачевский убывает в поездку «по делам службы в Западный военный округ», что характерно – с верным сталинцем С. Буденным.

Повод для поездки был более чем серьезный – народ в Западной Белоруссии и на Западной Украине всерьез бунтовал против польского господства; под шумок этого восстания можно будет (как шептал на ушко Буденному Тухачевский) нанести Польше короткий военный удар, дойдя до линии Буга и закрепиться на ней, то есть восстановить линию Керзона – тем самым уничтожив последствия позорного Рижского мира.

Главная работа с этой целью производилась органами Разведупра Красной Армии, создавшими вдоль польско-советской границы ряд специальных пунктов. Эти пункты снабжали оружием и деньгами на польской Воьлини большую боевую организацию, включавшую в свои ряды около десяти тысяч человек. Организация эта была создана по военному

образцу: она делилась на полки, батальоны и роты, которые должны были служить кадрами развернутых повстанческих частей после первых успехов восстания. Всю работу по созданию этой организации провел Разведупр с согласия и под руководством Фрунзе.

Так что причина нахождения Тухачевского вдали от московских интриг была, с точки зрения любого военного человека, более чем достойна и важна.

А поскольку напряженная ситуация в западном приграничье сохранялась в сентябре и в октябре 1924 года – совершенно естественно, что М. Тухачевский оставался в Западном военном округе до конца октября 1924 г. К тому же в октябре на юго-западную границу выехал и М. Фрунзе.

Сложившаяся ситуация вынуждала перенести открытие съезда ВНО с 15 ноября на середину декабря 1924 года – из-за отсутствия М. Тухачевского, председателя комиссии по созыву этого съезда. А в середине декабря это совещание товарищу Троцкому уже не нужно – к этому времени ситуация в партии выкристаллизуется, колеблющиеся выберут свою сторону в конфликте, парторганизации областей, краев и республик вынесут свои решения – и всем будет глубоко безразлично, что там измышляют военные на своем военно-научном совете.

В общем, свинью товарищу Троцкому Михаил Николаевич подложил презрядную.

Товарищ Тухачевский «соскочил» в самый острый момент политической борьбы Льва Давыдовича со своими конкурентами. Осенью 1924 года Троцкий выпускает третий том собрания своих сочинений, включавший речи и статьи 1917 года, которому было предпослано авторское предисловие под названием «Уроки Октября». Если бы Тухачевский, как подражался, провел в оговоренный срок свою конференцию в Военно-научном обществе (с соответствующими оргвыводами), – «Уроки Октября» были бы последним гвоздем в гроб Сталина и компании (во всяком случае, товарищ Троцкий так планировал). А без этой конференции, без безоговорочной поддержки армии – демарш товарища Троцкого превращался в идиотскую клоунату на политической арене Советской России. Но, в отличие от обычного цирка – с весьма тяжелыми последствиями для самого клоуна.

И не важно, что в «Уроках Октября» подавляющее большинство фактов было абсолютно достоверным.

КОГДА РЕЧЬ ИДЕТ О ВЛАСТИ – ПРАВДА НИКОГО НЕ ИНТЕРЕСУЕТ!

Не имело значения на самом деле, что все, что писал товарищ Троцкий в своей книге о событиях Октябрьского пе-

реворота – имело место в текущей реальности и действующие лица совершали именно те ошибки, которые им инкриминировал Лев Давыдович. Теперь, лишившись поддержки армии и настроив против себя практически всех фигурантов тех октябрьских дней (Каменева, Зиновьева, Бухарина, Орджоникидзе, Рыкова, Ярославского, Ногина, Кирова), наркомвоенмор со скоростью падающего снаряда начал движение в политическую преисподнюю – под радостное улюлюканье партийной массовки.

* * *

Поздней осенью 1924 года произошло то, что и должно было произойти – не прошло и месяца после выхода книги Троцкого, как против него была поднята мощная идеологическая кампания, названная её инициаторами «литературной дискуссией с троцкизмом». Формально она была открыта редакционной статьёй «Правды», написанной Бухариным, «Как не нужно писать историю Октября (по поводу выхода книги т. Троцкого «1917»)». Спустя короткое время в «Правде» были опубликованы три обширные работы, чрезвычайно схожие не только своим содержанием, но и своим названием: доклад Каменева «Ленинизм или троцкизм?», прочитанный на собрании членов МК и московского партийного актива, а затем повторённый на собрании комфракции ВЦСПС и на совещании военных работников; речь Ста-

лина «Троцкизм или ленинизм?» на пленуме комфракции ВЦСПС и статья Зиновьева «Большевизм или троцкизм?». Эти работы вместе со статьями Сокольникова, Молотова и других руководителей партии вошли в спешно напечатанный сборник «За ленинизм», изданный в Москве и других городах. В начале 1925 года был выпущен сборник «Ленин о Троцком и троцкизме. Из истории ВКП (б)»

* * *

Товарищ Троцкий проиграл свою битву с треском.

В конце 1924 года в «Правде» и в местной партийной печати были опубликованы сотни резолюций партийных комитетов, скроенные по образу и подобию резолюции МК, принятой по докладу Каменева. В этой резолюции «Уроки Октября» были названы «грубым извращением истории большевизма и истории Октябрьской революции», «попыткой подменить ленинизм троцкизмом», который «является не чем иным, как одним из видов меньшевизма». Сам факт опубликования «Уроков Октября» был объявлен «нарушением со стороны товарища Троцкого обещаний, данных им XIII съезду», «подрывом единства партии». «Своим выступлением товарищ Троцкий вновь ставит партию перед опасностью дискуссии», и так далее, и тому подобное.

Зато товарищ Сталин из разгрома Троцкого смог извлечь еще одну пользу – и очень немаленькую. Загнать Льва Да-

выдовича в политическое гетто – это, конечно, было чрезвычайно хорошо. Но и кроме этого дискуссия сослужила товарищу Сталину добрую службу. Он оказался в ней в более выгодной позиции по сравнению с Зиновьевым и Каменевым, поскольку им приходилось защищать самих себя, а Сталин защищал их, выступая как бы в роли беспристрастного арбитра в споре. Кроме того, за октябрьской ошибкой Каменева и Зиновьева ошибки самого Сталина в 1917 году (если они и были) остались как бы в тени. К тому же после того, как товарищ Троцкий так неловко подставился – можно было вообще смело поставить под сомнение роль Льва Давыдовича в Октябрьском перевороте!

* * *

Сказано – сделано. Сталин заявил, что он не хочет ввязываться в дискуссию с «разрушителем единства партии» – его целью является лишь «разоблачение некоторых легенд, распространяемых Троцким и его единомышленниками». К числу таких легенд он решил отнести «легенду» об особой роли Троцкого в Октябрьском восстании.

Для разоблачения этой «легенды» Сталин смело объявил практически всю историческую литературу об Октябрьском восстании «арабскими сказками», а о книге Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» (в которой о Троцком упоминалось по десять раз на каждой странице, а о Сталине –

пару раз в примечаниях) вообще порекомендовал всем своим товарищам забыть, как о страшном сне.

Правда, в своей статье «Октябрьский переворот», которую товарищ Сталин неосмотрительно опубликовал в 1918 году, он писал: «Вся работа по практической организации восстания происходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета тов. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-Революционного Комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому». Но право на ошибку имеет каждый человек – в конце концов, «Errare humanum est». Главное – вовремя эти ошибки осознать, исправить, и более не совершать. Так и товарищ Сталин теперь решил считать, что «никакой особой роли в Октябрьском восстании Троцкий не играл и играть не мог, а будучи председателем Петроградского Совета, он выполнял лишь волю соответствующих партийных инстанций, руководивших каждым шагом Троцкого». Товарищ Сталин решил изгнать товарища Троцкого из пантеона «вождей революции» – по той простой причине, что **живой** вождь революции может быть только один! И пусть не очень скоро, но в партии всем должно стать ясно, кто на самом деле руководил Октябрьским переворотом, кто лучший ученик Ленина и кому народ и государство обязаны своим существованием...

В общем, 6 января 1925 года товарищ Троцкий был с поста Наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета СССР с позором изгнан. А для того, чтобы окончательно лишить его влияния среди руководства РККА, Сталиным было проведено несколько мероприятий. Во-первых, руководством страны было принято предложение М. Тухачевского об объединении Штаба РККА и Инспектората (вместе с боевой подготовкой). Во-вторых, в начале декабря 1924 г. М. В. Фрунзе подтвердил назначение Тухачевского Главным руководителем по стратегии всех академий РККА. В-третьих, было принято предложение Тухачевского о создании в составе Штаба РККА Управления по исследованию и использованию опыта войн. Наконец, Тухачевскому было обещано вернуть командование Западным военным округом, что означало возвращение к активной военной политике на Западе, и ввести его в состав РВС СССР, что и было осуществлено в начале февраля 1925 г. Кроме того, на должность начальника объединенных Штаба РККА и Инспектората назначили его сторонника С. Каменева, а заместителем к последнему – «протеже» М. Тухачевского С. Пугачева.

Товарищ Тухачевский мог довольно потирать руки – встав, пусть и пассивно, на сторону Сталина в политической схватке осени 1924 года, он получил все, что обещал ему

Троцкий – но без всякого политического риска. Вернее, он думал, что без риска. Тогда думал...

Кроме того, уступки Тухачевскому были сделаны и в весьма важном вопросе, а именно – была начата подготовка к ближайшей наступательной «революционной войне» из Белоруссии. Об этом громогласно, под бурные аплодисменты и крики одобрения М. Тухачевский как командующий Западным военным округом, заявил на 7-м Всебелорусском съезде Советов в Минске в мае 1925 г., призвав правительство Белоруссии «поставить в повестку дня вопрос о войне». Иными словами, руководство страны разрешило товарищу Тухачевскому готовить свой собственный персональный реванш против Польши. Чем бы дитя ни тешилось...

* * *

Сталин пошел на столь беспрецедентные шаги вовсе не потому, что Тухачевский был таким уж незаменимым военным гением – вопрос был в другом. Тухачевский был в числе наиболее авторитетных военных руководителей РККА, и принятие ключевых военно-политических аспектов идей Тухачевского в качестве базовых принципов развития РККА политическим и военным руководством страны позволяло «отсечь» М. Тухачевского от Л. Троцкого и лишить последнего сколько-нибудь существенной поддержки в военной элите. Что же касается военных успехов товарища Ту-

хачевского – то на «настоящей» войне с армией Польши он был поляками нещадно бит, его армии – рассеяны и пленены; славу «стратега» он снискал совсем на ином поприще. Во время подавления Кронштадтского восстания товарищ Тухачевский руководил действиями 7-й армии и сумел потопить это восстание в крови – всем памятен его приказ «атаковать линкоры «Петропавловск» и «Севастополь» удушливыми газами и ядовитыми снарядами». В мае 1921 года Тухачевский, как признанный мастер карательных операций против собственного народа, был направлен в Тамбовскую губернию – и там, массово применяя расстрелы, казни заложников, уничтожение деревень артогнем, поголовную порку шомполами, создание концлагерей и прочие оригинальные «тактические приемы» вплоть до идеи вновь применять ядовитые газы (на этот раз – против засевших в лесах мятежников), товарищ Тухачевский это восстание подавил быстро и безжалостно.

Плевать, что его «стратегические» концепции (о них у нас еще будет возможность поговорить) привели к краху Западного фронта – зато большинству лидеров РКП(б) они были бальзамом на сердце. И после «тамбовской победы» товарищ Тухачевский назначается начальником Военной Академии РККА, а с 1922 года – командующим Западным фронтом. Ибо именно этот фронт предназначен для того, чтобы на своих штыках нести свободу угнетенным пролетариям Европы.

* * *

27 января и 5 февраля 1925 г. на заседаниях Политбюро ЦК по представлению М. В. Фрунзе, уже назначенного Наркомом по военным и морским делам и Председателем РВС СССР, было принято решение о кадровых перестановках в высшем руководстве РККА.

Время руководства Красной Армией товарищем Троцким закончилось навсегда...

* * *

Это был первый успех товарища Сталина во внутривнутриполитической борьбе – но это еще не была окончательная и бесповоротная победа. Ибо в РКП(б), хотя и поддержавшей его в борьбе с Троцким, идеи Троцкого продолжали оставаться основополагающими в идеологической работе как внутри партии, так и в целом среди населения Советского Союза. Подавляющее большинство членов ЦК все еще оставались приверженцами идей Мировой Революции, все еще продолжали смотреть на Советский Союз как на базу для подготовки мирового пролетарского пожара. И не имело, на самом деле, особого значения, как низко сможет товарищ Сталин опустить Льва Давыдовича по партийной лестнице – имело

значение лишь то, что дух товарища Троцкого, дух «перманентной революции» все еще продолжал довлеть над партией. И для того, чтобы повернуть партию в сторону построения сильного, самостоятельного, независимого государства, для того, чтобы начать широкое наступление на троцкизм как идеологию – Сталину была как воздух необходима легитимизация его идей.

А о какой легитимизации «построения социализма в одной, отдельно взятой стране» может идти речь, когда подавляющее большинство членов ЦК отлично помнило ленинские выступления с совершенно противоположными лозунгами! Если все члены Политбюро были рядом с Лениным кто с 1903, кто с 1905 года – и прекрасно знают, какие мысли вождь высказывал по поводу Мировой Революции! Как в этих условиях повернуть созидательные силы партии и народа в русло построения СССР как «Отечества мирового пролетариата» – когда все руководство партии убеждено во временном характере существования самостоятельного Советского государства, в его прикладном значении (исключительно как ресурсной базы для будущей мировой революции)?

Необходимо совершить переворот в умах членов партии. Для чего жизненно необходимо осуществить переворот в партийном руководстве – изгнать из него ВСЕХ соратников Ленина (чтобы затем передуть по одному в темных подворотнях), а остальных убедить в том, что выбранный ИМ

путь – единственно правильный, единственный, который может привести к успеху начатого ими дела. Единственный, у которого **ЕСТЬ БУДУЩЕЕ**.

В феврале 1925 года у Сталина в Политбюро нет соратников – есть лишь политические союзники, соблюдающие договоренности с ним лишь до того момента, пока им это выгодно. **Но Сталину ни соратники, ни тем более союзники не нужны – ему нужны ИСПОЛНИТЕЛИ.**

И с февраля 1925 года Сталин начинает планомерную работу по отстранению носителей идей Мировой Революции среди руководства партии, правительства, государства и армии от реальной власти в стране – ибо его ПРОЕКТ в носителях идей всемирного разрушения не нуждается; он нуждается в созидателях, в творцах – коих товарищ Сталин начинает старательно отсеивать и отбирать среди партийной массы, как старатель, из тонны пустой породы добывающий несколько золотых крупинок.

Товарищу Сталину не нужны больше революционеры, годные лишь на то, чтобы реветь на митингах и расстреливать «контру» по подвалам «чрезвычайек». Революция закончилась, и время горлопанов прошло – наступает время профессионалов, людей, способных строить и создавать. Главным критерием годности человека для будущего страны отныне становится не знание марксистских догм или способность расстрелять десяток пленных «белых», не дрогнув ни единым мускулом – а его умение и знание, его профессиона-

лизм в деле созидания, в деле строительства Нового Мира.

И этот Новый Мир будет

Сталинским НОВЫМ МИРОМ...

Глава вторая

«Военная тревога» 27-го года: Момент истины

* * *

Троцкий был смещен – но троцкизм, как воинствующая идеология ортодоксального марксизма, все еще оставался «на вооружении» РКП(б) и РККА, «меча пролетарской революции». Большинство руководителей партии и армии страстно мечтали ворваться в Европу и вооруженной рукой свергнуть вековой гнет буржуазии и дворянства, освободить трудящиеся массы, принести им свет истины. И пока не имело значения, что во главе партии стал Иосиф Сталин, человек, объявивший приоритетной целью для партийного и государственного аппарата «построение социализма в одной, отдельно взятой стране» – имело значение то, что половина членов ЦК и командиров дивизий и корпусов Красной Армии жаждали всенепременно разжечь костер Мировой революции на сопредельных территориях.

Жаждали – и всемерно к этому готовились.

В результате геополитических изменений 1918-1920 годов на своих западных рубежах Советская Россия стала граничить с Финляндией, Эстонией, Латвией, Польшей и Румынией – с так называемыми «лимитрофами», государствами, образовавшими «санитарный кордон» против большевистской «заразы». И именно эти государства представляли собой «первый эшелон» европейских буржуазных стран, кои большевистское руководство намеревалось подвергнуть неременному «освобождению», буде к тому представиться возможность – желательно оптом, но можно и в розницу, в порядке живой очереди. Ближе всех к границам Советской России были Варшава и Бухарест. Посему именно государства-лимитрофы с означенными столицами и предстояло «освободить» доблестным представителям «первого в мире пролетарского государства», одетыми в солдатские шинели, в первую очередь – раньше, чем остальные европейские государства, чей пролетариат так жаждал получить освобождение из рук Красной Армии.

Конечно, большевики из руководства СССР с гораздо большим удовольствием, нежели «советизацию» Румынии или Польши, провели бы «советизацию» Германии и прочих бельгий с голландиями, да вот незадача – иначе, чем сломав польский и румынский «санитарные кордоны», до Западной

Европы им было не добраться.

И большевистское руководство принялось за подготовку радикального слома этого самого «кордона».

* * *

Подготовка почвы для «освобождения» Западной Украины и Западной Белоруссии началась почти сразу же после заключения в 1921 году Рижского мира, по которому эти территории отходили Польше.

В июне 1921 года товарищ Фрунзе в статье «Единая военная доктрина и Красная Армия» написал, что: «Второе средство борьбы с техническими преимуществами армии противника мы видим в подготовке ведения партизанской войны на территории возможных театров военных действий. Если государство уделит этому достаточно серьезное внимание, если подготовка «малой войны» будет производиться систематически и планомерно, то и этим путем можно создать для армий противника такую обстановку, в которой при всех своих технических преимуществах они окажутся бессильными перед сравнительно плохо вооруженным, но полным инициативы, смелым и решительным противником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.